

Лыцк, Баклужино, Суслов

Евгений Лукин

**Портрет кудесника
в юности (сборник)**

«Автор»

2003–2005

Лукин Е. Ю.

Портрет кудесника в юности (сборник) / Е. Ю. Лукин — «Автор»,
2003–2005 — (Лыцк, Баклужино, Суслов)

Для всех истинных любителей отечественной иронической фантастики Евгений Лукин – примерно то же, что Марк Твен или Михаил Зощенко – для любителей иронической прозы вообще. Потому что это – имя автора, таланту которого, безусловно яркому и оригинальному, подвластны практически ЛЮБЫЕ повороты (и навороты) в непростом сочетании фантастики и юмора – от искрометных притч до едких, почти циничных рассказов, от великолепной сказовой прозы, обыгрывающей издавна любимый российским народом канон «кухонной байки», – до безжалостного социального сарказма. Перед вами – сборник Евгения Лукина. Сборник произведений равно блестящих и очень по-разному СМЕШНЫХ!

© Лукин Е. Ю., 2003–2005

© Автор, 2003–2005

Содержание

Глушилка	5
Тридцать три головы молодецкие	8
Астральная история	20
Хирургия	24
Наперекор стихиям	28
Пираты обоих полушарий	31
Шутик	38
Первый отворот	45
Ответное чувство	50
Двадцать пятая	56
Проклятьем заклеимённый	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Евгений Лукин

Портрет кудесника в юности

(Баклужинские истории)

Игорю Шахину, колдуну и четвертологу

*А вы на земле проживёте,
Как черви слепые живут:
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен о вас не споют!*

Максим Горький

Глушилка

*И тут я включаю свой аппарат! Они в страхе, в ужасе, как
перепуганные овцы!*

Рэй Брэдбери

– Вот такая ты падла... – ворчливо упрекнул заказчика старый колдун Ефрем Нехорошев, выслушав до конца его горестную историю. – Не любишь, значит, когда народ душой отдыхает?

Выходя из запоя, он всегда бывал грубоват в общении, но хамил настолько добродушно, что на него почти не обижались.

А тут попался такой клиент – спичку не поднеси. Дёрганный, руки бессмысленно перепархивают с места на место, острый кадык выставлен жертвенно и вызывающе, как у гугенота в канун Варфоломеевской ночи: нате, режьте!

– Я, между прочим, тоже народ! – завёлся он с пол-оборота. – И еще неизвестно, кого больше: таких, как я, или...

Чародей взгоготнул.

– Больше, меньше... – лениво молвил он. – Кто громче – тот и народ, понял?

Гость стиснул зубы. Скулы и впалые бледные щёки его пошли пятнами. На мгновение показалось даже, что встанет сейчас и хлопнет дверью.

Не встал. Сдержался.

– Ладно! – бросил он. – Будь по-вашему. Такая я падла... Но в принципе-то их заткнуть можно вообще?

– Да можно... – хмуро отозвался ведун, чувствуя, что не отвяжется клиент, ох, не отвяжется. А бить кудесы с похмелья Нехорошев страсть как не любил. – Всё можно... Почему ж нельзя? Наложу на тебя заклятие...

– На меня?!

– Ну не на себя же! Чик-пок – и все дела. И не будешь ты их больше слышать...

Пару секунд посетитель пребывал в оцепенении.

– Ну нет, – сказал он наконец. – Я зачем дачу покупал? Чтобы в мёртвой тишине сидеть?.. А скворцы? А лягушки?.. Опять же здороваться надо, если сосед окликнет...

– Так я ж тебя не совсем оглушу... – поморщившись, успокоил кудесник. – Лягушек будешь слышать, скворцов... соседей... если поздороваются...

Заказчик метнул быстрый недоверчивый взгляд на колдуна и погрузился в тревожное раздумье.

– Хм... Я-то думал, вы на других заклятие наложите... – с сомнением пробормотал он. – Или уж сразу на всю территорию...

– На территорию – дорогонько станет, – заметил старый чужаков.

Помолчали, соображая. На мониторе, свесив сонную морду на пыльный, слепой, чуть ли не паутиной подёрнутый экран, распростёрся лохматый котёнок, но не чёрный, как можно было бы предположить, а белый с серыми пятнами. Зверюга, видимо, линял, потому что ковёр в захлавленной комнатёнке чародея являл собой подобие плохо убранного хлопкового поля.

– Одного не понимаю, – пожаловался клиент. – Зачем они с собой динамики на природу тащат? Неужели в городе не наслушались? С соседями тоже повезло... Справа Дмитро Карабастов, слева Валерка Прокопьев, а дачные участки узенькие, ленточками нарезанные, чтобы у каждого выход к озеру был...

Хозяин комнатёнки делал вид, что слушает, даже временами кивал с сочувствием, сам же прикидывал, как бы это ему схитрить и обойтись каким-нибудь колдовством подешевле да попроще, чтобы особо мозги не напрягать. Муторно было Ефрему, маятно. А на порог заказчика тоже не укажешь – примета плохая.

– И вот как врубят они с двух сторон!.. – простонал клиент.

Кот на мониторе со скукой раззявил розовую пасть и, потянувшись, извернулся до кончика хвоста. Клиентов он выдвигал всяких.

– Ну хорошо, не можешь ты без грохота в ушах, – с надрывом продолжал гость. – Ну и купи себе дебилик с наушниками! Но зачем же всю округу-то глушить?..

При слове «глушить» старый чародей встрепенулся, мутные глазёнки вспыхнули. Стало быть, осенило.

– Во! – вскричал он. – Точно! Поди купи дебилик... простенький, без наворотов...

– Вы что, издеваетесь?! – Клиент всё-таки вскопчил.

– Ты знай слушай! Луна сейчас в первой четверти, так? Выйдешь сегодня из дому ровно в полночь, дебилик держи за пазухой. И следи, чтобы месяц всё время был за левым плечом. Потом поплыви на четыре стороны и проводки с наушничками, слышь, пооборви... Прямо под корешок, не стесняйся. Только, смотри, не вздумай выбросить – я из них потом на дебилике наузы навяжу, понял?

– Что-что навяжете?

– Наузы. Узлы такие с наговором... И начнёт он у тебя работать как глушилка. Дёшево и сердито! Гектар покроет запросто, а тебе ведь больше и не надо, верно? Сколько у тебя там участок? Соток шесть?..

* * *

Высидевшись из дребезжащего разболтанного автобуса на конечной остановке «Хуливы хутора», Егор Надточий обогнул селение и двинулся дубравой в направлении дачного посёлка. Кончался апрель. С корявых веток в изобилии свисали светло-зелёные червячки на взблёскивающих исчезающе-тонких шелковинках, и Егору то и дело приходилось между ними лавировать.

Он шёл, не пряча язвительной улыбки, и время от времени оглаживал глубокий карман шорт, где таился зачарованный дебилик с наузами из проводков. Проще говоря, глушилка. Постановщик помех. Нужды в нем пока не было: ни приёмника окрест, ни телевизора. Обирая сухие веточки, сердито потягивал невидимый дятел – надо полагать, не та личинка пошла. Справа в промежутках между стволами пошевеливала серым расплавом листвы осинная роща, слева синело небо да пучилось плотное белокочанное облако.

«Ох, попрыгаете вы у меня, господа... – предвкушал Егор, пронирая под очередным светло-зелёным червячком. – Ох и попрыгаете...»

Прямо по курсу воссияли заливные луга, и тут же, отразившись от водной глади, ясный женский голос из отдалённого динамика ликующе объявил: «А теперь в исполнении казачьего хора послушайте песню на слова поэта Гийома Аполлинера „Под мостом Мирабо тихо Сена текётъ...“»

Впереди заголосили, задишканили – с гиканьем, топотом и присвистом. Егор содрогнулся.

Вскоре показались первые дачи. Аудиодуэль Карабастова и Прокопьева была слышна издали. От взрывов тяжелого рока вдребезги разлетелся сереброголосый хор мальчиков из неблагополучных семей, а на противоположном конце посёлка кто-то оглушительно пел навзрыд «Очи чёрные», причем врал, как даже цыган не соврёт, продавая лошадь.

Пожалуй, пора... Егор достал дебильник и развернул бумажку, на которой вдохновенно всклокоченным почерком старого чародея Ефрема Нехорошева начертан был текст пускового заговора. Старательно произнёс всё до последнего словечка – и с выражением крайнего злодательства на остром, как штевень, лице утопил помеченную магическим крестиком кнопку.

Не подведи, колдун, сделай милость...

И колдун не подвёл. Уже в следующий миг все динамики в округе разразились по волшебству мерзким прерывистым воем. Будь Егор Надточий постарше лет этак на пятьдесят, он бы, конечно, узнал это беспощадное тупое взрёвывание, сквозь которое с переменным успехом пытались когда-то пробиться «Голос Америки», «Свобода» и прочие вражьи радиостанции, призванные сеять сомнения в честных и простых сердцах советских граждан.

– Ну, посмотрим, посмотрим, надолго ли вас хватит... – глумливо молвил Егор, отправляя глушилку в карман шорт.

Насмерть перепуганная жуткими звуками, от которых, казалось, вибрировал уже весь посёлок, метнулась с истошным карканьем встрёпанная ворона, но дачники – народ упрямый – всё никак не могли поверить, что это всерьёз и надолго.

Ничего-ничего. Ещё минут пять-десять – и кинутся они, родимые, в город – чинить аппаратуру. А в городе им скажут: в чём проблема-то? Всё исправно, всё работает...

За штaketником, опершись натруженными руками на бульбу штыковой лопаты, высился Дмитро Карабастов и с тяжким недоумением слушал завывания, рвущиеся из утробы стоящего перед ним на табуретке радиоприёмника.

– Здорово, сосед! – осторожно окликнул Егор.

Дмитро покосился на него из-под насупленной брови.

– Здорово, здорово... – мрачно отозвался он, после чего вновь озадаченно уставился на бесноватый приёмник. – Что хотят, то творят! Ты такое когда-нибудь слышал?

Думая лишь о том, как бы нечаянно себя не выдать, Егор Надточий приподнял плечи и испуганно затряс головой.

– Нет, не понимаю я современной музыки, – удручённо признался Дмитро. – Раньше какие песни были! Раздольные, задушевные... А это что такое? Ни слов, ни мелодии – рёв один...

Покрахтел и, безнадёжно махнув рукой, прибавил громкость.

Тридцать три головы молодецкие

*– Попробуй меня, Фроим, – ответил Беня, – и перестанем
размазывать белую кашу по чистому столу.*

Исаак Бабель

Как и подобает истому интеллигенту, во дни безденежья Аркадий Залуженцев принимался угрюмо размышлять об ограблении банка. Примерно с тем же успехом какой-нибудь матёрый взломщик, оказавшись на мели, мог задуматься вдруг: а не защитить ли ему диссертацию?

Кстати сказать, диссертацию Аркадий так и не защитил. Тема подвела. «Алиментарный маразм в сказочном дискурсе: креативный фактор становления национального архетипа». Собственно, само-то исследование образа Иванушки-дурачка в свете детского недоедания никого не смутило, однако в название темы вкрались ненароком несколько общеупотребительных слов, что в глазах учёной комиссии граничило с разглашением военно-промышленных секретов.

Над парковой скамьёй пошевеливалась листва. За витиеватой чугунной оградкой белели пузатенькие колонны учреждения, на взлом которого мысленно замахивался Аркадий Залуженцев. Вернее, уже и не замахивался...

Придя сюда, он совершил ошибку. Он убил мечту. Как было славно, давши волю воображению, расправляться в домашних условиях с архетипами сейфов, и как надменно, неприступно смотрела сквозь вычурные завитки чугунного литья твердыня банка в натуре! Затосковавшему Аркадию мигом вспомнилось, что ремеслом грабителя он, ясное дело, не владеет, духом – робок, телом – саранча сушёная.

Во всём, конечно, виноваты были родители, по старинке, а может, по скупости подарившие дошколёнку Аркашику взамен компьютера набор кубиков с буквами и оставившие малыша наедине с запылённой дедовской библиотекой. Видно, не попалось им ни разу на глаза предостережение Лескова, позже повторённое Честертоном, что самостоятельное чтение – занятие опасное. Оба классика, правда, говорили исключительно о Библии, но сказанное ими вполне приложимо и к любой другой книге. Действительно, без объяснений наставника постоянно рискуешь понять всё так, как написано.

Низкий поклон тем, кто приводит нас к единомыслию, то есть к одной мысли на всех, но за каждым, сами знаете, не уследишь. На секунду представьте, зажмурясь, в каком удручающем виде оттиснется наше славное прошлое в головёнке малолетнего читателя, которого забыли предупредить о том, что «Война и мир» – патриотическое произведение, а Наташа Ростова – положительная героиня!

Хорошо ещё подобные особи в большинстве своём отягощены моралью и легко становятся жертвой общества, а не наоборот. От дурной привычки докапываться до сути прочитанного мозг их сморщился, пошёл извилинами. А ведь был как яблочко наливное...

Мимо скамейки проколыхалась дама с нащёпкой тренажёра на правом виске. Вот вам прямо противоположный пример! Последнее слово техники: гоняет импульс по обоим полушариям, избавляя от необходимости думать самому. Этаким оздоровительный массаж, чтобы клетки не отмирали. Удобная штука, а по нашим временам просто необходимая, учитывая возросшую мощь динамиков, в результате чего каждый сплошь и рядом испытывает примерно ту же нагрузку на череп, что и профессиональный боксёр в бою за титул. Какие уж тут к чёрту мысли!

«Зря я здесь расселся, – тревожно подумалось Аркадию. – У них же там, перед банком, наверное, и камеры слежения есть...»

– Снаружи только две, – негромко сообщили поблизости.

Там, где прочие вздрагивают, Залуженцев обмирал. Обмер он и теперь. Потом дерзнул скосить глаз и увидел, что на дальнем конце скамьи сидит и тоже искоса поглядывает на него коротко стриженный юноша крепкого сложения. Должно быть, подсел, когда Аркадий смотрел вослед даме с нашлёпкой.

– Вы, простите... о чём?.. – с запинкой осведомился захваченный врасплох злоумышленник.

– Ну... очи чёрные... – пояснил неожиданный сосед. – Их там две штуки на входе. Но они только за тротуаром следят...

После этих поистине убийственных слов Аркадий был уже не властен над собственным лицом. Субъектов с подобным выражением надлежит немедленно брать в наручники. Что собеседник каким-то образом проник в его мысли, Залуженцева скорее ужаснуло, чем удивило: молодой человек наверняка имел отношение к органам, а от них, как известно, всего можно ждать. Подобно многим культурным людям Аркадий с негодованием отвергал бытовые суеверия, но в inferнальную сущность спецслужб верил истово и безоглядно.

– Но вы же... не подумали, надеюсь... – с нервным смехом проговорил уличённый, – что я всерьёз собрался...

Юноша встал, однако для того лишь, чтобы подсесть поближе.

– «Воздух» кончился? – участливо спросил он вполголоса.

Воздух и впрямь кончался, накатывало удушье. Аркадий был уверен, что сейчас из-за тёмно-зелёных плотных шпалер по обе стороны аллеи поднимутся ещё несколько рослых парней с такими же выдающимися подбородками – и начнётся задержание...

– А на пару дельце слепить? – еле расслышал он следующий интимно заданный вопрос.

Ответил не сразу. Со стороны могло показаться даже, что Аркадий Залуженцев всерьёз обдумывает внезапное предложение. На самом деле услышанное только ещё укладывалось в сознании.

Уложилось.

– Нет... – торопливо произнёс Аркадий. – Я... э-э... я – волк-одиночка, я... И потом, знаете, – соврал он, – банки не моя специальность...

Или не соврал? Пожалуй, что не соврал... В любом случае был чертовски польщён. За равного приняли.

Юноша посмотрел на него с изумлением.

– Слышь! – одёрнул он. – Волк-одиночка! Пробки перегорели?.. – Обиделся, помолчал. – Короче, так... Тайничок один вскрыть надо... за городом.

– Чей тайничок? – заискивающе спросил пристыжённый отповедью Залуженцев.

– Да хрен его знает, чей... Ничей пока.

– Что-нибудь ценное?

– Не-ет... Так, чепуха. На статью не тянет...

Кажется, Аркадия сманивали в чёрные археологи. Кстати, кладоискательство было во дни безденежья вторым его бзиком. Как-то раз он даже пробовал овладеть начатками лозоходства, предпочитая, правда, более научнообразный термин – биолокация. Добром это, ясное дело, не кончилось: согласно самоучителю, следовало предварительно прогреть Муладхару-чакру путём ритмичного втягивания в себя ануса. Ну и перестарался от волнения – пришлось потом к проктологу идти...

– А в одиночку – никак?

– В одиночку – никак. Напарник нужен. Даю сто баксов.

– А в чём, простите, будет заключаться...

– Копать.

– Много? – деловито уточнил Аркадий.

– Аршин. Там уже раз десять копали...

– М-м... – усомнился вербуемый. – Копать – копали, а до тайника не добрались?

– Меня не было, – сухо пояснил странный юноша.

– Простите... – спохватился Аркадий. – А с кем я вообще говорю? Вы сами по себе или на кого-то работаете?

Собеседник поглядел многозначительно и таинственно. А может, просто выбирал, на который вопрос ответить.

– На одного колдуна, – с достоинством изронил он.

Оторопелое молчание длилось секунды две.

– Э-э... В смысле – на экстрасенса?

– Можно и так...

Ну вот и прояснилась чертовщина с чтением мыслей! Аркадий Залуженцев перевёл дух. Честно сказать, колдунов, гадалок и прочих там нигромантов он не жаловал, подозревая в них откровенных мошенников, хотя под напором общественного мнения и признавал с неохотой, что встречаются иногда среди этой публики подлинные самородки.

– И-и... давно вы на него...

– Недавно.

– Тогда ещё один вопрос, – решительно сказал Аркадий. – Землекоп я, сами видите... неопытный... Тем не менее обратились вы именно ко мне. Просто к первому встречному или...

Юноша усмехнулся.

– Или, – ласково молвил он. – К кому попало я бы не обратился...

* * *

Так уж складывалась у Глеба Портнягина жизнь, что древнее искусство врать без вранья он волей-неволей освоил ещё в отрочестве. На первый взгляд, ничего мудрёного. Основное правило: отвечай честно и прямо, но только о чём спросили, ни слова сверх того не прибавляя. И собеседник неминуемо начнёт обманывать сам себя своими же вопросами.

Высший пилотаж подобной диалектики приведён, конечно, в третьей главе Книги Бытия, где искуситель лжёт с помощью истины, а Творец изрекает истину в виде лжи.

Назвавшись представителем колдуна, Глеб Портнягин опять-таки не погрешил против правды ни на йоту. Действительно, сегодня утром он ходил проситься в ученики к самому Ефрему Нехорошеву – и пережил при этом лёгкое потрясение, когда, достигши промежуточной площадки между четвёртым и пятым этажами, увидел, как из двери нужной ему квартиры выносят вперёд ногами кого-то завернутого в дерюжку.

«Опоздал», – просквозила горестная мысль.

Впрочем, на похоронную команду выносившие не очень-то и походили: кто в лабораторном халате, кто в костюме и при галстуке. Физии у всех, следует заметить, были малость ошарашенные. Потом дерюжка нечаянно оползла – и глазам содрогнувшегося Глеба явились стальные хромированные ступни. Из квартиры кудесника вытаскивали всамделишного робота. Ну надо же!

Отступив к стене, Портнягин пропустил скорбную процессию. Затем взбежал по лестнице, постучал в незапертую дверь – и, не дождавшись отзыва, рискнул войти. Старый колдун Ефрем Нехорошев в халате и шлёпанцах сутулился у стола на табурете.

– Вот химики-то, прости Господи! – посетовал он в сердцах, нисколько не удивившись появлению малознамого юноши.

– А что такое? – не понял тот.

– Умудрились: три закона роботехники выдумали, – сокрушённо покачивая кудлатой головой, известил престарелый чародей. – И, главное, сами же теперь удивляются, почему не работает...

– Три закона... чего?

– Да я бы их уже за один первый закон всех поувольнял, четырёхглазых! – распаляясь, продолжал кудесник. – Вот послушай: оказывается, робот не имеет права своим действием или бездействием причинить вред человеку! А теперь прикинь: выходит робот на площадь, а там спецназовцы несанкционированный митинг дубинками разгоняют. Да у него сразу все мозги спекутся, у робота...

– Н-ну... запросто, – моргнув, согласился Глеб.

– А второй закон того хлеще: робот обязан выполнять приказы человека, если они (ты слушай, слушай!) не противоречат первому закону... А? Ни хрена себе? Да как же она будет работать, железяка ваша, если каждый приказ – либо во вред себе, либо ближнему своему!

– А, скажем, яму выкопать? – не удержавшись, поддел чародея Портнягин.

– Кому? – угрюмо уточнил тот.

Глеб посмотрел на него с уважением.

– А третий закон?

– Ну, третий ладно, третий куда ни шло... – вынужден был признать колдун. – Робот должен заботиться о собственной безопасности. Но опять же! Через первые-то два не перепрыгнешь... Они б ещё в гранатомёт эти свои законы встроили!

– И что ты им посоветовал? – не упустив случая перейти на «ты», полюбопытствовал Портнягин.

– А ну-ка марш под койку! – сурово насупив кудлатые брови, повелел хозяин кому-то незримому, ползком подбирающемуся к прищельцу. – Я т-тебе!.. – Выждал, пока невидимка вернётся под кровать, и снова покосился на Глеба. – А что тут советовать? Как мы законы соблюдаем – так и роботы пускай... А иначе... – Спихватился, нахмурился. – погоди! Ты кто?

– Вот... пришёл... – как мог объяснил Портнягин.

– И чего надо? Отворожить, приворожить?

То ли с похмелья был колдун, то ли всегда такой.

В двух словах Глеб изложил цель визита.

– В ученики? – слегка привизгнув от изумления, переспросил Ефрем Нехорошев. – Ко мне? А не круто берёшь, паренёк?

– Круто! – с вызовом согласился Глеб. – А ты что? Одних лохов колдовать учишь?

Услышав дерзкий ответ, кудесник расстроился, почесал лохматую бровь и, уныло поразмыслив, кивнул на свободный табурет. Ладно, мол, присаживайся. Куда ж от тебя такого денешься!

Неприбранная комнатёнка была напоена одуряющими запахами сеновала, источник которых обнаружился в углу, где теребимые струёй воздуха от напольного вентилятора сохли связки трав. Ещё в глаза лезли теснящиеся на самодельном стеллаже ветхие корешки древних книг, а из мебели – замшелая зловещая плаха, которой явно чего-то не доставало. Глеб огляделся. Тронутого ржавчиной палаческого топора он нигде не приметил, зато обратил внимание, что у вентилятора отсутствует шнур и, кажется, мотор.

– Ну и чего это ради тебя вдруг в колдуны понесло? – ворчливо осведомился хозяин. – Думаешь, жизнь сладкая пойдёт? Нет, мил человек. Каторжная пойдёт жизнь... – Замолчал, всмотрелся. – А-а... – понимающе протянул он. – Ну, ясно... По какой, говоришь, статье срок отбывал?

Глеб молча достал и предъявил справку о досрочном освобождении. Специфика документа, похоже, ничуть не смутила старого чародея. Многие известнейшие маги начинали именно с правонарушений. Собственно, оно и понятно: кто преступает законы общества, тот и

с законами природы, скорее всего, чикаться не станет. Сами кудесники, естественно, с этим ни за что не согласятся – напротив, будут клятвенно уверять, что действуют в согласии с мирозданием... словом, повторяют примерно то же, что говорили на суде, прося о снисхождении.

– Ладно, – разочарованно молвил колдун, возвращая справку. – Устрою я тебе экзамент... – умышленно исковеркал он умное зарубежное слово.

– Экзамен? – насторожился Глеб.

– А ты как хотел? Ко мне, брат, в ученики попасть не просто. Вот слушай: есть за городом тайничок... Где – не скажу, сам по записи прочтёшь... Только не вслух, уразумел?

– А что так секретно?

– А то так секретно, что подслушать могут. И клад тут же на аршин в землю уйдёт! А тот, кто подслушал, другому скажет – это, считай, ещё на аршин... Понял, в чём клюква?

– Ага... – сообразил Глеб. – Рыл-рыл, ничего не вырыл, а потом доказывай, что не разболтал?

Старый колдун Ефрем Нехорошев долго, внимательно смотрел на юношу.

– Нет, ты-то вроде не разболтаешь... – произнёс он, словно бы помыслил вслух. – Только ведь с тайничком этим ещё одна загвоздка...

* * *

По лестнице Портнягин спускался в глубокой задумчивости. Не иначе хочет от него отделаться старикан. «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что...» Хотя с заданием сказочного самодержца Глеб как раз справился бы играючи. Ещё в раннем детстве он, помнится, искренне удивлялся, зачем богатыри отправлялись на край света, разные чудеса искали. Делов-то! Принеси какую-нибудь фигию помельче – и пусть попробует царь-батюшка угадает, где ты весь день шлялся и что у тебя в кулаке зажато.

Достигнув городского парка, испытуемый присел на скамью, достал полученную от колдуна бумагу, именуемую записью, и внимательнейшим образом перечёл. Тайничок был заныкан неподалёку от точки слияния Чумахлинки с Ворожейкой. Земли те издавна почитались гиблыми, аномальными. Сгинули там две археологические экспедиции, а в 1991 году, если не врут, ушёл под воду целый населённый пункт. До сих пор в безветренные дни со дна озера красные флаги просвечивают и пение чудится.

Будучи воспитан бабушкой, Глеб сызмальства наслушался от неё всяческих страстей о тех краях. «Бегать на Колдушку» настрого запрещалось, поэтому, само собой разумеется, гибельную местность он излазил пацаном вдоль и поперёк – до последнего овражка.

Дурман-бугор... Не было там никакого Дурман-бугра! Может, раньше так назывался, а потом переназвали?..

Ладно. Бугор по записи найдём, а вот с самим тайничком что делать? Условия, поставленные старым хрычом, были просты, как три закона роботехники, и так же, как они, неисполнимы.

Ночь в канун Ивана Купала случилась неделю назад – значит, вариант с цветком папоротника отпадает. Не ждать же в самом деле следующего раза! Другой вариант, если верить колдуну, был равен самоубийству. Третий прямиком приводил в объятия одной из самых неприятных статей уголовного кодекса, не говоря уже о неминуемых угрызениях совести.

Кто-то сел на ту же скамейку. Портнягин на всякий случай убрал запись в карман, недовольно посмотрел на соседа – и заинтересовался. Это была весьма примечательная личность хрупкого, чтобы не сказать, ломкого телосложения, и она гредила наяву. Присутствия Глеба подсевший не заметил, отрешённый взгляд его пронизал вычурную чугунную оградку и принался ласкать пузатенькие колонны банка. Щёки чудика впали, кожа облегла скулы.

Как всегда, жизнь сама подсказала Портнягину искомое решение. Теперь оставалось лишь удостовериться, что рядом с ним сидит именно тот, кто ему нужен. Вскоре незнакомец поник, приуныл, на устах его застыла растерянная улыбка завязавшего алкоголика. Затем начал бредить вслух.

– У них же там, перед банком, наверное, и камеры слежения есть... – боязливо пробормотал он.

Пора было приступать к разговору.

– Снаружи только две, – сказал Портнягин.

* * *

Заброшенная железнодорожная ветка, проложенная чуть ли не Павкой Корчагиным в незапамятные времена, пребывала в жутком состоянии, но, как ни странно, ещё использовалась кем-то по назначению. В поросшем бурьяном тупике стояла грузовая платформа, и возле этого тронутого ржавчиной и мазутом многоколёсного чудища мало-помалу собирался с утрачка народ. Кто с удочками, кто с металлодетектором. Многие в накомарниках.

Не увидев среди них своего работодателя, Аркадий хотел прикинуться случайным прохожим и пройти мимо, однако идти здесь было некуда. Разве что обратно. Потоптавшись, он как бы невзначай сместился к переднему рылу платформы, тупо уставившемуся в простёганную редким ковылём зелёную с подпалинами степь. У подклиненного тормозным башмаком колеса притулились на корточках двое с миноискателями.

– Арисаки? – лениво переспрашивал один. – Откуда? Первуха сюда не достала...

– Зато гражданка достала, – так же лениво возражал другой. – Марабуты погуляли... Забыл?

– Ну, от марабутов моськи, в основном...

Залуженцев ощутил тревогу и неуверенность. Сегодня он проснулся среди ночи, осенённый догадкой. Конечно, не для земляных работ пригласили его в поделщики! Главная причина, как ни странно, заключалась в теме диссертации. Фольклор! Древние клады всегда окутаны легендами и преданиями. Таинственному юноше, скупко назвавшемуся Глебом, наверняка нужен был консультант.

Не в силах более уснуть, Аркадий встал, включил свет и принялся листать специальную литературу. Чего-чего только не скрывали земные недра к северу от Ворожейки! По слухам, был там даже прикопан заряженный шайтан-травой «калаш», заключающий в себе смерть, якобы, живого до сих пор Арби Бараева...

Увлёкшись, читал до утра.

И вот теперь, нечаянно подслушав степенную беседу чёрных копателей, Аркадий Залуженцев внезапно усомнился в собственной компетентности. «Первуха» и «гражданка», допустим, в переводе не нуждались. Зато смущали загадочные «марабуты». (Заметим в скобках, что жаргонное словечко всего-навсего подразумевало бойцов Красногвардейского полка имени товарища Марабу.)

Как бы от нечего делать он отступил на шаг-другой и, независимо выставив хрупкий кадык, со скучающим видом принялся обозревать транспортное средство. Вряд ли оно было самодвижущимся. Значит, будут к чему-нибудь цеплять. К чему?

Аркадий оглянулся на уходящие вдаль рельсы. Из-за древних холмов и курганов могло появиться всё что угодно: от воловьей упряжки до паровоза братьев Черепановых. Такой она, верно, была, эта степь, ещё в те времена, когда, уклоняясь от воинской службы, рубили большой палец взамен указательного, а схрон называли мечом-кладенцом.

– Если делать нечего, лезь сюда, поможешь... – прозвучало сверху.

Залуженцев обернулся. На краю платформы стоял и вытирал ветошкой почерневшие ладони крепыш в местах выгоревшей, местами промасленной спецовке.

Отказать было как-то неловко. По короткой металлической лесенке Аркадий поднялся на борт. В передней части платформы высился в человеческий рост чудовищный маховик, сработанный явно не в заводских условиях. Полый обод, сваренный из толстого листового железа, делился переборками на восемь отсеков. Одна боковая заслонка была снята, глубокая пазуха зияла пустотой.

– Давай-ка вместе...

Двоём они подняли тяжёлый мешок (на ощупь – с песком) и бережно поместили в отверстие нишу.

– Главное – отцентровать как следует, – доверительно сообщил крепыш, с бряцанием надевая заслонку дырками на торчащие болты.

Аркадий вежливо с ним согласился и, пока тот затягивал гайки, обошёл страшилище кругом, с преувеличенным уважением трогая червеобразные сварочные швы. С той стороны у маховика обнаружился шкив с ремённой передачей, уходящей через прорубленное днище напрямиком на одну из осей. Не веря глазам, Залуженцев присмотрелся и заметил ещё одно диво: сквозь приваренное к ободу ухо был продет дворницкий лом, весь в рубцах, с косо стёртым жалом. Чтобы, значит, само не завелось. А на станине криво чернела охальная безграмотная надпись, сделанная кем-то, видать, из пассажиров: «Перпетуй мобиль».

– Так это что... двигатель? – с запинкой спросил Аркадий.

– Двигатель, двигатель... – дружелюбно отозвался крепыш, поднимаясь с корточек и пряча ключ.

– Вечный?!

– Да если бы вечный! То подшипник полетит, то ремень...

– А законы термодинамики вы в школе учили?!

Вопрос был выкрикнут, что называется, петушьим горлом. Не сдержался Аркадий. И зря. Едва лишь отзвучала его мерзкая фистула, как изумлённо-угрожающая тишина поразила поросший бурьяном тупичок. Разговоры смолкли. Все повернулись к платформе – и послышался быстрый шорох падающих противокмарных сеток.

Спустя минуту вокруг запоздало онемевшего Залуженцева уже сплотилась свора зеленомордых чудовищ, только что бывших мирными рыбаками и копателями. Единственное обнажённое лицо принадлежало крепышу в спецовке, но теперь оно стало таким беспощадным, что лучше бы его тоже не видеть.

– Какие законы, командир? – выговорил крепыш, не разжимая зубов. – Раз не запрещено, значит, разрешено...

– Я о физических законах... – пискнул Аркадий.

– Физических? – задохнулись от злости под одним из накомарников. – А то мы не знаем, как они там в академиях своих законы принимают! Куда хочу, туда ворочу! Сколько лет чёрными дырами людям голову морочили! Купленные все...

– Да из нефтяной компании он! По морде видно!

– Спят и видят, как бы нас на шланг посадить!

– Давно бензозаправки не горели?

– Короче, так... – постановил крепыш. – Дизель я на свою телегу не поставлю. И соляру вашу поганую брать не стану. Так и передай своему боссу, понял? А натравит опять отморозков – будет как в прошлый раз...

– Не-е... – благодушно пробасили в толпе. – Хуже будет...

– Даже хуже, – согласился крепыш, бывший, очевидно, не только механиком, но и владельцем платформы.

– Тёмную гаду! – кровожадно рявкнули из задних рядов.

И принять бы Аркадию безвинные муки, но тут некто решительный протолкнулся к центру событий и оказался Глебом.

– Чего шумишь, Андрон? – недовольно сказал он крепышу. – Это напарник мой...

– Ну и напарники у тебя... – подивились в толпе.

* * *

Древняя железнодорожная ветка пролежала прихотливо, извилисто. Встречный ветерок то потрёпывал двусмысленно по щеке, то учинял форменный мордобой. За бортом платформы ворочалась степь, проплывали откосы. Когда-то в советские времена они были фигурно высажены рыжими бархатцами, бледно-розовой петуньей, прочими цветами, при должном уходе образующими идеологически выверенные лозунги, а кое-где и портреты вождей. Теперь же, лишённые пригляда, буквы утратили очертания, разбрелись самосевом по округе, некоторые сложились в непристойные слова.

Скамеек на платформе не было: сидели на рюкзаках, ведёрках и проволочно-матерчатых рыбацких стульчиках. Угнездившийся в углу Аркадий Залуженцев имел несчастный вид и время от времени бросал затравленные взгляды на исправно ухающий и погрохатывающий маховик, разгонявшийся подчас до такой скорости, что его приходилось подтормаживать всё тем же дворничьим инструментом, вытирая из обода снопы бенгальских искр. Страшная это штука – идеологическая ломка. Будучи искренне убеждён, что лишь глубоко безнравственный человек способен утверждать, будто угол падения не равен углу отражения, Аркадий даже выключал в сердцах телевизор, если передавали что-нибудь сильно эзотерическое. Можно себе представить, насколько угнетало его теперь зрелище «перпетуй мобиля» в действии. К счастью, вспомнилось, что местность, по которой они ехали, издавна славится аномальной зоной, – и мировоззрение, слава богу, стало полегоньку восстанавливаться.

О недавней перепалке было забыто. Не унимался один лишь плюгавенький морщинистый рыбачок, да и тот, судя по всему, ершился забавы ради. Людей смешил.

– Начальники хреновы! – удавалось иногда разобрать сквозь шум. – Того нельзя, этого нельзя... Термодинамику придумали, язвы их в душу... Обратную сторону Луны до сих пор от народа скрывают... А? Что? Неправда?..

Слушателей у него было немного. Прочие рыбаки, люди серьёзные, не склонные к философии и зубоскальству, давно толковали о насущном: верно ли, например, что на Слиянке жерех хвостом бьёт? Копатели осели особым кружком, и разговор у них тоже шёл особый:

– Можно и не снимать... Только потом сам пожалеешь! Вон Сосноха... Слышал про Сосноху?.. Чугунную пушку отрыл, старинную, серебром набитую! Аж монеты в слиток слежались... Взять – взял, а заклęcia не снял. А менты, они ж это дело за милю чувят! Тут же всё конфисковали, Сосноха до сих пор адвокатов кормит...

Чем дальше, тем разболтаннее становился путь. Раскатившуюся под уклон платформу шатало, подбрасывало, грозило снести с рельс.

– Штормит, блин... – снисходительно изронил коренастый Андрон, опускаясь на корточки рядом с Аркадием. – Да не горюй ты, слышь? Все мы жертвы школьных учебников. Ну вечный двигатель, ну... Что ж теперь, застрелиться и не жить? Пифагор тоже вон только перед смертью и признался: подогнал, мол...

– Что подогнал? – испугался Аркадий.

– Известно, что. Сумму квадратов катетов под квадрат гипотенузы... Ты кто по образованию-то будешь?

– Филолог, – сдавленно ответил Аркадий. – Язык, литература... История...

– Ну тебе легче... – поразмыслив, утешил Андрон. – Не то что физикам. Ты-то людские ошибки изучаешь, а они-то – Божьи... – Изрёкши глубокую эту мысль, владелец платформы крикнул, помолчал. – Далеко собрались?

Оба посмотрели в противоположный угол, где сосредоточенный Глеб выпытывал что-то втихаря у чёрных следопытов.

– Не знаю, не сказал...

Похоже, ответ сильно озадачил Андрона.

– погоди! Я думал, ты его в проводники взял...

– Не я его... он меня... То есть не в проводники, конечно...

– Он – тебя? – Квадратное лицо владельца платформы отяжелело, снова стало беспощадным. – Нанял, что ли?

– Ну, в общем... да. Копать...

– Много заплатил?

– Не заплатил ещё... заплатит... Сто баксов.

Андрон с сожалением посмотрел на него, поднялся, помрачнел и, ни слова не прибавив, двинулся, по-моряцки приволакивая ноги, к чересчур разогнавшемуся маховику.

* * *

Тормозили долго, с душераздирающим визгом. Физии у всех стали, как у китайцев. Пока «перпетуй мобиль» окончательно остановили и стреножили, сточенное наискосок остриё лома разогрелось до вишнёвого свечения и стёрлось по меньшей мере ещё сантиметра на полтора.

В ушах отзвенело не сразу. Высаживались с перебранкой.

– Андрон! Ты когда нормальный тормоз заведёшь?

– Не замай его! А то ещё плату за проезд поднимет...

Такое впечатление, что за вычетом железнодорожного тупичка пейзаж ничуть не изменился. Единственное отличие: в просвете между пологими песчаными буграми посверкивало озеро. «И стоило перетянуться в такую даль!» – невольно подумалось Аркадию.

Разбрестись не спешили: проверяли снаряжение, амуницию, досказывали байку, меняли «палец» в «клюке». Проще говоря: батарейку в металлодетекторе.

– Слышь, Харлам! Может, и нам тоже с ними на Чумахлинку?

– А! Хрен на хрен менять – только время терять...

Раздался звук пощёчины, одним комаром стало меньше.

– Начинается... – пробормотал кто-то из копателей, спешно опуская зелёную вуаль. – А всё Стенька Разин! Просили его комара заклать – не заклал...

– Правильно сделал! – огрызнулся кто-то из рыболовов. – Это вам, кротам, всё едино! А Стенька умный был, так и сказал: «Дураки вы! Сами же без рыбы насидитесь...»

Наконец с платформы спрыгнул Глеб. Видимо, задерживаться было вообще в обычае юноши. С плеча его, напоминая размерами опавший монгольфьер, свисал пустой рюкзак. Если это под будущую находку, сколько же там копать?

– Пошли, – сказал он, вручая напарнику сапёрную лопатку.

Оба кладоискателя двинулись было по направлению к темнеющей невдалеке дубраве, но были окликнуты Андроном.

– Эй! Филолог! Как тебя?.. Сдай назад! Забыл кое-что...

Вроде бы забывать Аркадию было нечего, но, раз говорят «забыл», значит забыл. Пожал плечами, извинился перед насупившимся Глебом и трусцой вернулся к платформе. Вскарабкался по железной лесенке, вопросительно посмотрел на монументального Андрона. Тот медленно, с думой на челе вытирал ладони всё той же ветошкой и ничего возвращать не спешил.

– А ну-ка честно! – негромко потребовал он. – На Дурман-бугор идёте?

– Понятия не имею, – честно сказал Аркадий.

– А ты знаешь, что там две экспедиции пропали? – зловеще осведомился эксплуататор вечного двигателя. – Клад-то – заговорённый... На тридцать три головы, между прочим! Молодецких, самолучших... И никто не знает, сколько их ещё положить осталось... Лишняя она у тебя, что ли?

– И вы в это верите? – с любопытством спросил Аркадий.

Но Андрон так на него посмотрел, что мировоззрение вновь дало трещину. А тут ещё со стороны озера пришёл пронзительный вибрирующий вопль. То ли резали кого, то ли учили плавать.

– Короче, мой тебе совет: деньги – верни...

– Да я не брал пока!

– Тогда совсем просто. Скажи: передумал...

– Н-но... он же на меня рассчитывает... договорились... Да что вы беспокоитесь, ей-богу! Мы же вдвоём идём... Глеб вроде человек опытный... местный...

– В том-то и дело... – мрачно прогудел Андрон.

* * *

Родившемуся в аномальной зоне обидно слышать, когда её так величают. Вросши корнями в энергетически неблагоприятную почву, сердцем к ней прикипев, он вам может за малую родину и рыло начистить. Поймите же наконец: вы для него тоже аномальны!

Говорят, привычка – вторая натура, из чего неумолимо следует, что натура – это первая привычка. Однако натурой мы называем не только склад характера, но и окружающую нас природу. Взять любой клочок земли, объявить аномальной зоной – и он, будьте уверены, тут же станет таковой. Почему? Потому что нам об этом сказали.

И не случайно многие авторы сравнивают наземный транспорт с машиной времени: чем дальше уезжаешь от города, тем глубже погружаешься в прошлое. А в прошлом не только моральные нормы – там и физические законы иные. Кто не верит, пусть полистает учёные труды средневековых схоластов!

Зная с детства Колдушку как свои пять пальцев, Глеб Портнягин не видел в ней ничего необычного. Вечный двигатель? Делов-то! Пацанами они здесь и не такое мастерили. Другое дело Аркадий Залуженцев, чьё детство прошло в иной аномальной зоне, именуемой культурным обществом. Для него тут почти всё было в диковинку.

– Это – Дурман-бугор? – поражённо спросил он.

Увиденное напоминало старую воронку от тяжёлой авиабомбы. Точнее – от нескольких авиабомб, старавшихся попасть вопреки поговорке в воронку от первой.

– Сколько бы ни рыться, – проворчал Глеб, сбрасывая пустой рюкзак на плотную поросшую травой обваловку. Чувствовалось, давненько никто не тревожил эти ямины шанцевым инструментом.

– И много тут экспедиций пропало? – как бы невзначай поинтересовался будущий землекоп, втайне рассчитывая смутить напарника своей осведомлённостью.

Расчёты не оправдались.

– Если не врут, то две...

– А причины?

– Я ж говорю: меня не было, – равнодушно отозвался самоуверенный юноша, высматривая что-то на дне и сверяясь отнюдь не с пергаментом, но с половинкой тетрадного листка.

– А всё-таки! – не отставал Аркадий.

– По записи выходит: там... – задумчиво молвил поделщик, указав на самую глубокую выемку. – Ну что?.. Раньше сядешь – раньше выйдешь. Лезь...

Обречённому на заклятие стало весело и жутко.

– А сам-то что ж? – подначил он.

– Мне нельзя, – коротко объяснил Глеб.

– А мне?

– Тебе – можно.

«Да он же просто суеверный! – осенило Залуженцева. – Ну правильно, на колдуна работает...»

Вот оно, оказывается, в чём дело! Действительно, человек с предрассудками, копнув разок на Дурман-бугре, может и от разрыва сердца помереть. Или помешаться. У Аркадия же критический склад ума... Да, но археологи-то, по слухам, тоже сгинули!

– Что случилось с первой экспедицией? – не сумев унять внезапную дрожь в голосе, спросил Залуженцев.

– Да разное говорят. Давно это было...

– Ещё при Советском Союзе?

– Конечно...

То есть все атеисты. Ощупанный страхом, Аркадий заглянул в котлованчик. Обычно он любил шокировать знакомых дам пренебрежением к приметам, гаданиям и прочей чертовщине, например, не упускал случая публично пересечь след чёрной кошки, даже если ради этого приходилось слегка менять маршрут. Высказывания его также отличались по нашим временам безумной отвагой. Зябко молвить, астрологию отвергал! Впрочем, понимая, что таким образом легко заработать репутацию нигилиста и циника, Аркадий после каждой своей особо отчаянной выходки вовремя спохватывался, и, воздев указательный палец, изрекал торопливо: «Нет, всё-таки что-то есть...» После чего производил перстом пару-тройку многозначительных колебаний.

Но это там, в городе.

«Я ни во что не верю... Я ни во что не верю...» – спускаясь бочком по местами оползающему, местами закременелому склону, мысленно твердил он.

Как заклинание.

Достигнув дна, обессилел, опёрся на будущее орудие труда. Потом взглянул вверх. Рослый Глеб стоял на травянистом бугорке, как грех над душой. «Убийца», – тоскливо подумал Аркадий и, решившись, вонзил лопату в грунт.

Что-то звякнуло.

– Есть!.. – хрипло выдохнул он, сам ещё не веря, что вот так, мгновенно, с первого штыка...

* * *

– Оно? – с надеждой спросил Залуженцев, выбираясь на обваловку и протягивая Глебу металлический развинчивающийся цилиндр, в каких обычно секретчики хранят печать воинской части.

Озадаченный работодатель принял находку, отряхнул от земли, с сомнением осмотрел. На древний клад железяка не походила нисколько. Вдобавок на боку у неё обнаружилось загадочное, но явно современное клеймо «Опромет».

Снова развернул полученную от колдуна запись и углубился в дебри всклокоченного почерка.

– Больше там в яме ничего не было?

Аркадий почувствовал себя виноватым.

– Ничего...

– А глубоко лежало?

– Нет, не очень... Да на поверхности почти!

Всё ещё не зная, как ему отнестись к такой добыче, Глеб взвесил цилиндр на ладони. Затем крикнул, убрал запись и извлёк взамен стодолларовую купюру.

Щёки Аркадия стыдливо потеплели. Почему-то это происходило каждый раз, когда ему выпадал случай принимать гонорар или даже зарплату. Прodelанная работа немедленно показала ему пустяковой, а пережитые страхи – смехотворными.

– Я м-могу ещё слазать... посмотреть... – в избытке чувств предложил он, пряча нажитое лёгким, хотя и праведным трудом. – Вдруг не то!

– Или не то... – процедил Глеб, – или наколол он меня, что клад на аршин в землю уйдёт...

О сладостное осознание превосходства! Аркадий приосанился.

– Ну а чего бы вы ожидали? – мягко, но свысока пристыдил он. – Какой-то, простите, колдун...

– Ничего себе «какой-то»! – оскорбился Глеб. – К нему вон роботов на консультацию носят... Во фишка будет, если и с головами наколол! – с кривоватой усмешкой заключил он. – И не проверишь ведь... Нычка-то уже вынута!

При упоминании о головах Аркадия метнуло в противоположную крайность: мигом вспомнилась вся глубина унижения, пережитого на дне котлованчика, – и горло перехватило от злости.

– А если бы я не вернулся? – скрипуче спросил он.

– А куда бы ты из ямы делся? – не понял Глеб.

И Аркадий сорвался вновь.

– Только не пытайтесь меня убедить, будто сами не верите, что Дурман-бугор заклят! – в тихом бешенстве заговорил он. – На тридцать три головы! Молодецких, самолучших... Мне об этом Андрон сказал!

– Всяко бывает... – уклончиво отозвался Глеб, явно прикидывая, развинтить цилиндр самому или пусть колдун развинчивает. – Может и заклят... Это, знаешь, как с тремя законами роботехники...

– Да не можете вы в это не верить!.. – плачуще выкрикнул Аркадий. – Что ж вы меня, на всякий случай туда посылали?

– Ну а вдруг!

Залуженцев обомлел. С таким цинизмом ему ещё сталкиваться не приходилось ни разу.

– И вы... – пролепетал он. – Вы вот так, спокойно... могли...

Глеб с недоумением взглянул на невменяемого подельника – и сообразил наконец, о чём идёт речь.

– Слышь, ты! – изумлённо оборвал он. – Самолучший! Ты когда последний раз в зеркало смотрелся? Клады-то не от лохов, а от крутых заклинают! Тоже мне, молодец выискался...

И пока Аркадий Залуженцев моргал, столбенея от новой обиды, Глеб Портнягин решительно развинтил цилиндр. Внутри оказалась вторая половинка листа, на которой печатными буквами было выведено одно-единственное слово: «Годен».

– Вот же падла старая! – с искренним восхищением выдохнул Глеб.

Снова сунул записку в цилиндр и, свинтив, непочтительно кинул его в просторный, как монгольфьер, рюкзак.

Астральная история

Ментал, астрал и... забыл.
Борис Завгородний

Утро последней субботы каждого месяца старый колдун Ефрем Нехорошев встречал в неизменно дурном настроении, а с обеда, по обыкновению, уходил в запой. Колдуны вообще не любят работать за спасибо, и не потому что жадные. Просто заклинания даром не действуют – хоть копеечку, а заплати. Однако с властями тоже не поспоришь: согласно закону о благотворительности, четыре часа в пользу неимущих велено отдавать безвозмездно.

– Много их там? – недружелюбно осведомился Ефрем, усаживаясь на выкаченную в середину комнаты замшелую плаху. Можно было, конечно, обойтись и простой табуреткой, но плаха производила на ходочков очень сильное впечатление. По легенде, на ней четвертовали когда-то известного баклужинского звездомола и суеплёта Рафлю, стрелявшего из пищали по чудотворному образу. – Ну-ка, глянь поди...

Тот, к кому обращались, рослый плечистый юноша с лицом, дышавшим суровой уголовной красотой, приоткрыл дверь и выглянул в прихожую.

– Как всегда, – сухо известил он. – Битком.

Звали юношу Глеб Портнягин. Месяц назад старый чародей приметил его на проспекте, где тот продавал астральные мечи, точнее – рукоятки от них, поскольку само-то лезвие хрен увидишь и хрен ощупаешь. Вместо сертификата юный прощелыга нагло предъявил справку о досрочном освобождении, но, узнав, что перед ним сам Ефрем Нехорошев, оробел, исполнился уважения, а через пару дней пришёл проситься в ученики.

– Битком – это плохо... – вздохнул колдун. – Ну ладно, запускай по одному.

Первый ходок нисколько не походил на неимущего.

– Мне тут типа акции хотели впарить... – начал было он.

– Читать умеешь? – холодно прервал его Ефрем.

– Не по-нял...

– Ну, выйди прочти, что на двери написано...

Тот заморгал, но подчинился.

– «Деловых, политических и мелкобытовых вопросов не задавать...» – с запинкой доложил он, вернувшись. – А какие ж тогда задавать?

– О высоком о чём-нибудь... о вечном...

При мысли о вечном посетителя прошибла такая оторопь, что надбровья наехали на глаза, а нижняя губа отвисла самым кретиническим образом. Казалось, лицо его проваливается в глубь веков: неандерталец – питекантроп – австралопитек... Нечеловеческим усилием он заставил себя встряхнуться, вновь обретя более или менее современные черты.

– А-а... типа подумать можно?

– Это запросто... Только за дверь. Следующий!

Следующий, пожалуй, был и впрямь неимущ: дикорастущая борода, сандалии на босу немыту ногу, жёваные брючата, неглаженная рубаха навывпуск. Жена ушла, с работы выгнали, пенсии не предвидится. Малый джентльменский набор.

– Будет ли разгадана тайна этрусской письменности? – с трепетом осведомился он.

– Нет.

Поражённый категоричностью ответа ходок вздернул всклокоченную бороду и недоверчиво воззрился на кудесника.

– Не было у них письменности, – вынужден был пояснить тот. – Стыдились они этого, стеснялись... Народы-то вокруг грамотные, культурные! Ну вот и писали твои этруски бели-

берду всякую греческими буквами: дескать, тоже, мол, не лыком шиты... Ещё вопросы есть?.. Давай следующего, Глеб...

И пока рослый ученик чародея, придерживая за плечи, выпроваживал ошарашенного любителя криптоистории, сам чародей с тоской покосился в угол, где под связками сохнувших дурманных трав таился початый ящик водки.

– Я насчёт Тунгусского метеорита... – испуганно предупредил розоволикий лысеющий блондинчик.

– Понято, – кивнул Ефрем. – Значит, так... В латиноамериканской пустыне Наска выложены из камней рисунки... причём такие огромные, что смотреть нужно с самолета... или, скажем, с орбиты...

– Простите, а при чём тут...

– Ты не перебивай, ты слушай... Рисунки эти на самом деле мишени. Тунгусский метеорит – промах. Сейчас перезаряжают... Следующий!

Тут в прихожей случилась некая суматоха, давка, толкотня – и дверь распахнулась, явив в проеме того самого посетителя, которому типа хотели акции впарить. Надумал, значит...

– В чём смысл жизни? – выпалил он с порога.

– Чьей?

– Моей!

– Отсутствует. Следующий...

* * *

В установленные законом четыре часа, конечно же, не уложились. Заветных вопросов у населения за месяц накопилось с избытком.

– Всё, что ли? – обессиленно спросил Ефрем. – Глянь, никого больше не осталось?

В распахнутую настежь форточку дышал горячим ртом баклужинский июль. Лопастى напольного вентилятора секли воздух с сабельным свистом. Мотор у вентилятора сгорел года два назад, шнур был вырван под корень, так что теперь устройство приводилось в действие заиклившимся барабашкой. Или, как ещё принято говорить, вечным двигателем первого рода.

Услышав, что ходоки закончились, старый колдун кряхтя поднялся с плахи и пересел на стоящий у стола табурет.

– Да ладно тебе! – сказал он с досадой Глебу, тут же повалившему исторический деревянный обрубок с целью откатить его на место. – Водки лучше налей...

Сделав вид, что не расслышал, юноша доставил плаху в дальний угол, где снова воздвиг её на попа.

– Оглох? – Кудесник повысил голос.

– Может, не надо, а, Ефрем? – отважился ученик.

Старый колдун Ефрем Нехорошев нахохлился, засопел.

– «Не надо...» – ворчливо передразнил он. – А как иначе-то? Думаешь, легко всё ведать? Вот погоди, узнаешь с моё – тоже запьёшь...

Бормоча что-то камерное, юноша в сердцах смел пучки нечай-травы на пол и переставил початый ящик к ногам учителя. Колдун извлёк бутылку, подбросил на ладошке, звучно её, родимую, чмокнул и со стуком поставил перед собой.

– Кто-то меня сегодня обещал в астрал взять... – тихонько напомнил Глеб.

– Оно тебе интересно? – со скукой осведомился чародей.

– А то!

– Это поначалу, – утешил колдун, протягивая руку к зелью. – Надоест еще...

Необходимо было что-то предпринять. Если свинтит первую пробку – потом уже не оставишь.

– Ефрем, – помявшись, решился Глеб. – А ведь тебя никто за язык не тянул...

Готовая сомкнуться на горлышке пятерня застыла и медленно опустилась на стол. Кудесник изумлённо обернулся к своему досрочно освобождённому ученичку, но, встретив непреклонный, исполненный правоты взгляд, расстроился и обмяк.

– Ну не падла ли ты после этого?.. – спросил он плаксиво.

– Нет, – жёстко отвечал ему Глеб Портнягин. – Не падла. Взялся учить – учи.

* * *

Покинуть свою материальную оболочку для старого колдуна Ефрема Нехорошева было раз плюнуть. Сказывалась многолетняя практика – астральное тело выскакивало из физического, как смазанное. Зависнув над столом, оно с тоской покосилось на нескрытую бутылку водки и с нетерпеливым видом принялось поджидать Глеба, которому с непривычки приходилось туго. Накатывал страх, имели место эффекты проваливания и скручивания, а также обычный в таких случаях крупноразмашистый тремор.

Наконец колдуну это надоело, и он просто вынул ученика из тела, взявши за руку. Астральная сущность, естественно, потащила за собой эфирную и ментальную, так что пришлось их отцеплять и заталкивать обратно. Учи Ефрем Нехорошев детишек плавать, он бы просто спихивал их в бассейн.

Ошеломлённый внезапным да еще и насильственным переходом в иную реальность, Глеб расплылся было серебристым облачком, но тут же волевой судорогой собрал себя воедино, после чего уставился во все астральные глаза на собственное тело, простёртое под ним на половичке.

Захламлённая комнатёнка чародея преобразилась: разбросанные как попало предметы заняли предназначенные им места, некоторые исчезли вовсе, а в лопастях вентилятора стал различим зыбкий от проворства барабашка, упоённо пытающийся поймать себя за пятку. Над исторической плахой, подъедая отрицательную энергию, красиво роились угланчики. Из-под койки угрюмо выглядывала учёная хыка, натаканная на непрошенных посетителей.

Внимание Глеба привлек затаившийся у мышиной норки лохматый полупрозрачный котяра. Удивившись, ученик чародея обернулся и обнаружил, что сам Калиостро (так звали кота) преспокойно дрыхнет на пыльном мониторе. Стало быть, охотилась только его астральная сущность, надеясь, очевидно, что душа какой-нибудь придремавшей мышки тоже рискнёт выйти на прогулку.

– Ну и как оно? – отдался в сознании Глеба звучный, отдалённо знакомый голос.

Тут только догадался он взглянуть на учителя и увидел, что за руку его держит отнюдь не старик, а почти ровесник – парень лет двадцати двух с насмешливым, ладно вылепленным лицом. Разумеется, Глеб знал, что сильные души не стареют, но одно дело знать – другое убедиться воочию.

Далее произошло нечто и вовсе странное. Две устрашающих размеров амёбы (а может, и медузы), возникшие вдруг за плечом помолодевшего Ефрема, стремительно обрели человекообразность и тоже взялись за руки. Колдун оглянулся.

– Брысь! – прищкнул он – и призраки сгинули.

– Кто это?

– СтрашИ, – пренебрежительно молвил учитель. – Шлёндают тут, обезьянничают... Ну что? Пойдём прогуляемся?

Не разнимая рук, они выплыли на улицу прямо сквозь стену – и Глеб ощутил лёгкий приступ головокружения. Всё двоилось: люди, здания. Присмотревшись, он понял, в чём дело:

материальный мир не совпадал с духовным. На очертания уродливой коробки кинотеатра накладывались изысканные контуры первоначального архитектурного проекта, искажённого затем строителями. Астральные тела прохожих сплошь и рядом не вписывались в физические, а те – в ментальные. Вокруг некоторых особей что-то клубилось, но не угланчики – помельче, посуетливее.

– Вирусы, – объяснил Ефрем. – В астрале их тоже полно. Ты к таким лучше не приближайся. Подцепишь болезнь...

– Какую еще болезнь? – всполошился Глеб.

– Какую-какую! Душевную! Депрессию, шизофрению... В космос выйти не желаешь?

– А можно?..

Вместо ответа Ефрем усмехнулся и скользнул ввысь, увлекая за собой оробевшего ученика.

Вопреки репутации, космос оказался скорее радужным, нежели чёрным. Виртуальные частицы, которых в вакууме, как известно, до чёртовой матери, разом вышли из небытия. Мироздание пылало и переливалось. Кроме того, оно еще и звучало – величественно, органно, – ужасом и восторгом наполняя юную душу Глеба Портнягина. Тревогу он почувствовал всего раз, когда мимо просквозил ошестинившийся ракетными и лазерными установками серый фотонный крейсер. «Бей землян – спасай Галактику!» – было выведено огромными корявыми буквами на его борту.

– А это откуда?

– Из будущего, надо полагать, – уклончиво отозвался учитель и добавил, как бы извиняясь: – Тут ещё и не такое увидишь...

По-прежнему сцепив руки, они медленно плыли немислимым туннелем, а впереди подобно полярному сиянию колебалась Мембрана, отделяющая астрал от Царства Небесного.

– А давно я здесь не был... – задумчиво молвил Ефрем. – Даже что-то и в запой уходить расхотелось... А ты хитрый, Глеб! Ох, хитрый... Знал ведь, чем поманить!

Крайне лестный упрёк впечатления не произвёл – Глеб был слишком счастлив, чтобы осознать его в полной мере.

Однако всё хорошее рано или поздно кончается.

– Пожалуй, для первого раза достаточно, – определил кудесник. Крякнул, отвел глаза. – Слышь... – сказал он, явно испытывая сильнейшую неловкость. – Сейчас вернёмся – ты ящик этот куда-нибудь с глаз долой... от греха подальше...

Во мгновение ока проделав обратный путь, они проникли сквозь стену в знакомую комнату, где, поражённые увиденным, оцепенело зависли под потолком.

Телесная оболочка Глеба по-прежнему смиренно лежала на половичке. Что же касается физического тела старого колдуна, то, опрометчиво оставленное без присмотра, оно сидело у стола на табурете – и тупо допивало водку.

Хирургия

*Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый – но живой...*

А. С. Пушкин

Даже приобретя кое-какую оргтехнику, старый колдун Ефрем Нехорошев привычкам своим не изменил и замка во входную дверь не врезал. Трудно было представить себе отморозка, который бы рискнул ради подержанного компьютера подвергнуться нападению учёной хыки, тем более что прецеденты уже имелись.

Глеба Портнягина тварь давно признала своим, поэтому дверь в квартиру колдуна юноша открывал без боязни. На этот раз он застал хозяина жилплощади в позиции любопытного прохожего, припавшего глазом к щёлке в заборе, что выглядело несколько нелепо, ибо заборов в помещении, понятное дело, не наблюдалось. Стараясь ступать потише, Глеб прошел в кухню, где открыл дверцу холодильника и сунул внутрь пластиковый пакет с приворотным корешком, выкопанным полчаса назад у ворот городского парка.

Вернувшись в комнату, присел на табурет и стал ждать. Происходящее не составляло для него тайны: старый чародей опять провертел дырку в действительности и теперь напряжённо высматривал что-то в одном из тонких миров. Минут через пять юноша заскучал, и взгляд его переключался на пыльного Калиостро, дрыхнувшего на пыльном мониторе. Еще через пару минут лохматый котёнок задергался во сне, затрепетал и сладострастно распустил когти. Возможно, его астральной сущности посчастливилось-таки подкараулить неосторожную мышьиную душу. Колдун тем временем вздохнул, выпрямился и, заглянув невидимую дырку подушечкой большого пальца, сокрушённо покачал головой.

– Ефрем, – позвал Глеб. – А почему ты никогда компьютер не включаешь? Кота будить не хочешь?

Старый чародей покосился на него и не ответил.

– Может, ты и в интернет ни разу не выходил?

Колдун пожевал губами.

– Интернет... – недовольно повторил он. – Ну был я там... однажды... Баловство! Тот же астрал, только понарошку...

– А там? – Глеб кивнул в ту сторону, где несколько секунд назад, по идее, зияла дырка для подсматривания в иной мир.

Ефрем Нехорошев, пришаркивая, достиг стола и мешковато опустился на свободный табурет.

– А там всё взаправду, – задумчиво молвил он. – Настолько взаправду, что напиться в пору...

– Э! Э! – всполошился Глеб. – Ты это брось! До понедельника же обещал: ни капли...

– Да помню... – безрадостно откликнулся кудесник.

Мог ли предполагать Глеб Портнягин, отбывая срок за взлом продовольственного склада, что, освободившись, станет заботливой строгой нянькой престарелого колдуна!

– Ну чего стряслось-то? – с ленивой насмешкой осведомился он. – Опять человечество на грани катастрофы?

– Считаю, что уже за гранью, – сдавленно сказал чародей. – Оперировать решили...

– Кого?

– Нас, Глебушка, нас... Вырежут, к чёртовой бабушке, до последнего метастаза...

– Ты прям как про опухоль, – заметил Глеб.

– А мы и есть опухоль, – последовал угрюмый ответ. – Раковая опухоль в потрохах мироздания. Одну планету доедаем, другие на очереди. Так-то вот...

Глебу стало обидно за человечество.

– А я тогда кто? – воинственно спросил он.

– А ты раковая клеточка...

– Ага, клеточка! – возмутился Глеб. – Клеточки на месте сидят! А мы на иномарках гоняем, видики смотрим...

– На выборы ходим... – жёлчно присовокупил колдун. – В том-то, брат, вся и штука, что каждая опухоль мнит себя цивилизацией. Помню, – со скорбной гримасой продолжал он, – пришёл ко мне однажды хворый – порчу снять. Оказалось: саркома... Заглянул я к нему в опухоль, а у них там, Глеб, такая философия развилась – Канту не снилось...

– Где? – ошалело переспросил ученик.

– В саркоме! – злобно выговорил кудесник.

– У кого?

– У клеточек, ясное дело!

– И... чем всё кончилось?

– Погнал к хирургу, – нехотя отозвался Ефрем. – Что было дальше – не знаю. Наверно, оттяпал он ему эту хренотень... со всей философией... за компанию...

Слова наставника прозвучали убедительно и зловеще. Всё же Глеб нашел в себе силы ослабиться:

– Не жалко было?

– Жалко, – опечалившись, признался колдун. – Дефиниции мне у них шибко нравились... А куда денешься? Вот и нас теперь тоже... – Стукнул кулаком по колену, гневно ухнул нутром. – И ведь говорили, говорили придуркам: кончайте размножаться – заметят... Куда там! В Европе – ещё ладно: у христиан души одноразовые, сильно не расплодишься. А на Востоке-то – реинкарнация! Вот и достукались... Куда ни глянь – НЛЮ так и роятся! А это ведь, Глеб, медицинские зонды: исследуют они нас, кое-кого даже вон на анализ берут... перед операцией...

И столько послышалось в его голосе отчаяния, что юноше и впрямь стало не по себе.

– Вырежут... – оторопело повторил он. – И... куда мы потом? В Царство Небесное?

– Жди! Разлетелся! – бросил в сердцах кудесник. – Всё вырежут, понял? И астрал, и Царство Небесное! Я ж сказал: до последнего метастаза!

Вот теперь, похоже, Глеб испугался всерьёз.

– Когда начнут? – еле выпершил он.

Ефрем Нехорошев уклончиво повел бровью.

– Уже инструменты готовят...

Глеб вскочил.

– Да сиди ты! – буркнул колдун. – Это по ихним меркам – уже. А по нашим... – Задумался, прикинул. – Миллениума полтора еще протянем...

Дрыхнувший на мониторе Калиостро шевельнулся, приоткрыл циничные светло-зеленые глаза и укоризненно взглянул на остолбеневшего Глеба, как бы желая сказать: «Ну а ты что, первый день с ним знаком, что ли?»

* * *

До встречи с Ефремом Глеб Портнягин неизменно предпочитал мимолётное вечному – и был, пожалуй, прав, поскольку вечное, в отличие от мимолётного, никуда, согласитесь, не денется.

Выяснив, что конец света отодвигается за грань разума, он мигом воспрянул духом и двинулся в кухню – похвастаться самостоятельно добытым приворотным корешком. Однако общение с кудесником даром не проходит: приоткрыв уже дверцу холодильника, юноша помедлил, недоумённо сдвинул брови. Вырежут. Чепуха какая-то! Вот так просто возьмут и вырежут?

Он захлопнул дверцу и пошёл обратно. Старый колдун Ефрем Нехорошев по-прежнему горестно цепенел на табурете.

– А эти! – с вызовом сказал Глеб. – Ну, которые нас резать собрались... Может, они сами опухоль!

– Да наверняка... – безразлично ответил чародей.

– Так может, их раньше, чем нас, оттяпают!

Кудесник вздохнул.

– Во-первых, вряд ли. У тех, в ком они завелись, время ещё медленней идет... А во-вторых, нам-то какая разница?

Юноша подумал и тоже сел.

– Козлы! – расстроенно сказал он. – Чуть что – сразу под нож! А лечить не пытались?

– Ещё как пытались! Чума, оспа, сифилис... теперь вот спид...

– А говорили, чума – это кара Божья...

Колдун раздражённо дернул бровью:

– Да там уже не разберёшь: где лечение, где самолечение... В Царстве-то Небесном тоже забеспокоились! Сначала просто промывали...

– Чем?

– Водой! Кстати, подействовало... поначалу... Потом опять рецидив. Решили прижигание попробовать – два города прижгли: Содом и Гоморру... Нет чтобы сразу! Не помогло, короче... Растёт опухоль и растёт! Христа прислали. Апостолы – те сразу поняли, к чему он клонит: лучше не жениться. Чтобы, значит, людишек зря не плодить...

– Эх... – прервал его с чувством Глеб. – Да разве можно с таким народом по-хорошему!

– По-всякому пытались, Глебушка, по-всякому... Гитлер, Сталин, Пол Пот... Тоже ведь добра хотели – человечество уменьшить, чтобы ни одна сволочь нас в микроскоп не углядела... Ничего не помогает... – Колдун пригорюнился, подпёр кулаком щеку. – Живучие мы, Глебушка... – Он опустил свободную руку почти до уровня пола и меланхолично принялся оглаживать что-то плоское и незримое. Надо полагать, учёная хыка, почувствовав, что у хозяина дурное настроение, рискнула выбраться из-под кровати и теперь, неслышно поскуливая, путалась в ногах.

* * *

Глеб ворочался на узком ученическом топчанчике, ежеминутно проваливаясь то ли в сон, то ли прямиком в не вырезанный ещё астрал. Мерещились ему (а может, и не мерещились, может, действительно каким-то образом воспринимались) стальные отсветы огромных ланцетов и оглушительный, как армагеддон, шорох сдираемого с лезвий целлофана.

Понятно теперь, почему человечество одиноко во Вселенной: чуть какая цивилизация разовьётся – чик! – и оттяпают, пока метастазы в космос не пустила. А выживают только маленькие, неприметные – вроде жировичков...

Внезапно ученик чародея обмер и, широко раскрыв глаза, уставился в низкий неровный потолок. Сонливости – как не бывало. Предельно простая, всё объясняющая мысль вторглась в сознание юноши: а что если никакой дырки между мирами не было и Ефрем просто морочит ему голову, раскалывая на выпивку?

Уже в следующий миг, словно бы подтверждая его подозрение, под дверью обозначилась тусклая полоска света. Клянчить идёт. Глеб запустил руку под топчан и, нащарив конфискованный с позволения наставника ящик, на всякий случай пересчитал горлышки на ощупь. Но нет, шаркающих шагов не последовало – и Глебу стало стыдно. Конечно, измученный воздержанием Ефрем готов на многое, но шутить столь ужасными вещами он вроде бы не должен.

Значит, всё-таки правда... Не одолев нахлынувшей тоски, Глеб поднялся с топчанчика и босиком покинул свой закуток. Как он и ожидал, старый колдун Ефрем Нехорошев опять стоял, припавши глазом к невидимой дырке в невидимом заборе.

– Ну что там, Ефрем?..

Кудесник обернулся, явив взамен привычной насмешливо-страдальческой физиономии нечто очумелое, рассыпанное на отдельные черты и тщетно пытающееся собраться воедино.

– Слышь... – растерянно извещал он. – Операцию-то... того... отменили...

– Врёшь!.. – просипел Глеб перехваченным горлом.

Механически затерев ладошкой незримую дырку, колдун хмыкнул, поскрёб в затылке.

– Так это обмыть надо... – обессиленно выдохнул Глеб.

Ефрем встрепенулся, потом насутился и, взвесив предложение на внутренних весах, бесшабашно махнул рукой:

– Тащи!

Глеб метнулся в свой чуланчик и спустя секунду возник вновь, свинчивая пробку на ходу. Разлили, чокнулись, выпили.

– А точно отменили? – жадно спросил ученик.

– Да точно, точно... Инструменты на место кладут!

– Кладут! Мало ли что кладут! Может, сроки перенесли?

Колдун усмехнулся.

– Поздно уже резать, – развязно пояснил он. – Выяснилось: запущенные мы, Глебушка, неоперабельные. Так что, глядишь, внуки твои еще к звёздам слетают...

Наперекор стихиям

Человек не может выиграть у природы.

Человек не может сыграть с природой вничью.

Человек не может не проиграть природе.

Законы термодинамики в популярном изложении.

С учениками старый колдун Ефрем Нехорошев не церемонился, и редко кто из них выдерживал больше месяца такой жизни: либо спивались, либо сбегали. Один лишь Глеб Портнягин обещал стать небывалым доселе исключением. Смышлёный, упрямый, чем-то он напоминал самого Ефрема: никогда нельзя было с полной уверенностью предсказать, что сей отрок отмочит в следующий момент.

Утреннюю приборку помещения Глеб начал с того, что, ухватив за шкурку астральную сущность Калиостро, натывал её носом в астральную лужицу, происхождение которой было очевидно и сомнений не вызывало. Далее, запихнув котюру в его дрыхнущую на пыльном мониторе материальную оболочку (немедленно проснувшуюся и заоравшую), юноша привёл в порядок энергетику, размёл по углам мелкую потустороннюю живность и, возвратившись в своё физическое тело, бодро спрыгнул с топчанчика.

Вскоре поднялся и сам Ефрем. Хотя вряд ли он спал – скорее тоже шастал по тонким мирам (в противном случае его бы неминуемо разбудил оскорблённый кошачий вопль). Кудесник сел на койке, окинул прищуренным оком прибранную комнатёнку и, одобрителем хмыкнув, покрутил носом, внимая плывущим из кухни умопомрачительным ресторанным запахам. Глеб варил пшёнку.

Дело в том, что ученик чародея изобрёл оригинальный способ экономить на еде: зайдя в супермаркет и убедившись в отсутствии поблизости цыганок или, скажем, каких-нибудь духовидцев, которых в Баклужино пруд пруди, он попросту изымал астральную сущность из наиболее аппетитного лангета, с тем чтобы позже вложить её в пшённую кашу. Ефрем, разумеется, догадывался, в чём суть, но предпочитал смотреть сквозь пальцы на проделки бойкого ученичка.

Впрочем, ничто не ново под луной. Вы и сами наверняка не раз удивлялись тому, что свежий, полчаса назад купленный эскалоп оказывается на вкус не лучше картона. Видимо, нехитрый этот приёмчик использовался не одним поколением кудесников, так что в патенте Глебу скорее всего отказали бы. Не случайно ведь, пытаясь однажды тем же способом обезвкусить потребляемую Ефремом водку, хитроумный ученик чародея никакой астральной сущности в ней не обнаружил. Профаны такую водку называют палёной.

Пока завтракали, Глеб бросал на Ефрема осторожные взгляды, явно что-то прикидывая. Кажется, кудесник пребывал в добром расположении духа, и этим надлежало воспользоваться. Покончив с трапезой, он удалился в комнату. Глеб последовал за ним, прихватив пакет с приворотным корешком и неразборчиво исписанный листок, смахивающий слегка на аптечный рецепт. Вообще следует заметить, что в смысле запутляканности почерка врачи и колдуны вполне достойны друг друга.

– Слышь, Ефрем... – застенчиво начал Глеб. – Я тут один спелл кастанул. Вернее, не кастанул еще...

– Что-о?! – вскипел чародей, оборачиваясь. – Ты где этой гадости нахватался? Я т-те такой спелл кастану – астрала не взвидишь!

Иноязычных словес он на дух не переносил.

– Родной речи мало? – гремел Ефрем. – Чтобы я больше от тебя такого не слышал! «Марихуа-ана», – язвительно передразнил он кого-то. – Ну почему попросту не сказать: иван-да-марья?..

Здесь, конечно, старый колдун перегнул. Да, наплыв чужеземных речений – бедствие, но оно вызвано необходимостью смягчить выражения. Отсутствие иносказаний подчас смерти подобно. В том же Баклужино жулика, к примеру, могут побить штaketником, а на дилера как-то рука не поднимется, хотя это в общем-то синонимы. Опять же слово «главарь» куда понятнее нам и роднее, чем «президент», однако никто в здравом уме, будь он хоть трижды патриот, такой замены не потребует.

Тем не менее бушевал Ефрем долго и громко. И всё это время Глеб Портнягин, терпеливо переминаясь, стоял перед ним в позе царевича Алексея с известной картины Ге.

Наконец гроза пошла на убыль.

– Так какой ты там спелл кастовать собрался? – ядовито осведомился кудесник.

Глеб шмыгнул носом и развернул бумажку.

– Тут это... пенитенциарная магия...

– Петиционная, что ли? – брюзгливо переспросил Ефрем.

– Ага, – торопливо исправился Глеб. – Петиционная...

– А корешок зачем?

– Н-ну... на всякий случай.

– Положь обратно, – буркнул старый чародей и, пока юноша выполнял приказ, углубился в тезисы. – Ну и что ты тут наворотил? – накинулся он на вернувшегося ученика. – Мало я тебе хренОв за клептокинез выписал?

Глеб зарделся, потупился. Действительно, за клептокинез ему в прошлый раз влетело по первое число.

– Нет, ну я ж теперь по-честному... – возразил он обиженным баском. – Выиграет сусловский «Ливерпуль» у нашей «Албасты» – курить брошу...

Чародей с жалостью глядел на юношу.

– Заруби себе на носу, – проникновенно молвил он. – В профессиональный футбол лучше не лезть. Там уже всё схвачено. Там такие колдуны работают – не тебе чета... И второе: никогда не ставь условий. Курить он бросит! Этого, знаешь, ни одна стихия не любит...

– А если наоборот? – поспешно предложил Глеб. – Курить брошу прямо сейчас, а взамен попрошу... – Он взглянул на кислую физию учителя и, смешавшись, умолк.

– Да пойми ты... – мученически кротко принялся втолковывать кудесник. – Вот обращаешься ты к стихии. А что такое стихия? Ту же растительность возьми... У каждой травинки свой трепет, свой колотун. Слабенький, правда, но... Травинка к травинке, трепет к трепету – и, глядишь, рождается из общей дрожи – что? Правильно, единая душа. Коллективное бессознательное. Юнга читал?.. А теперь прикинь, сколько у нас травы. А деревьев! А мхов, а лишайников всяких! И этой стихии ты ставишь какие-то условия? Да она – природе ровесница! Что ей твое курево? Тьфу!..

Юноша мрачнел на глазах.

– Значит, не надо, говоришь?..

– Да почему ж не надо? – удивился Ефрем. – Надо! Я ведь тебя, упёртого, знаю: пока шишек не набьёшь, не успокоишься. Решил с куревом завязать? Завязывай. Оно и для здоровья полезней... Только учти, просьбой на бумажке тут не обойдёшься. Такое положено вслух колдовать и под музыку... – Он не глядя ткнул пальцем в угол, где валялся изрядно пропылившийся туттут – местная разновидность тамтама, только чуть поглуше. – И определись, к какой стихии будешь обращаться. А то ведь у каждой свой ритм – в него ещё попади попробуй...

– И попробую! – буркнул Глеб.

– Попробуй-попробуй... Когда, говоришь, матч?

- На той неделе.
- Вот на той неделе и посмеёмся...

* * *

Понятно, что неделя выдалась шумная. Ритмические упражнения Глеба достали даже Калиостро – котюра покинул налёжанный монитор и ушел в форточку. Угрюмая хыка отступила в чёрные подкроватные глубины, где, вполне возможно, таился лаз в иное измерение. Потом начал запинаться вентилятор – барабашка то и дело сбивался с такта. Один лишь Ефрем Нехорошев, казалось, был доволен происходящим и веселился от души, глядя на серьёзного старательного ученика.

– Слышь, Глеб! – поддразнивал он. – А ты знаешь вообще, откуда слово «спорт» взялось?

– Из Англии...

– Хрен там – из Англии! От нашего слова «спортить». Был мужик – как мужик, землю пахал, а спортили – смотришь: полоска сорняком поросла, а ему и горя мало – знай себе мячик пинает... Ну чего уставился? Барабань, барабань, не отвлекайся давай...

Старый колдун ошибался редко. То ли мяч оказался слишком круглым, то ли Глеб обратился за помощью не к той стихии, то ли в дело из вредности вмешался сам Ефрем, но столичный «Ливерпуль» продул баклужинской «Албасте» с крупным счётом.

– Ну что? – возликовал чародей, когда компьютер выдал результат матча. – Уразумел, дитятко? Природу, брат, не наколешь! Стихия, она и есть стихия: куда хочу, туда ворочу... Выслушать – выслушала, а всё назло сделала!

– Зато курить бросил! – огрызнулся Глеб, старательно избегая охального взгляда колдуна.

– А! Ну, если с этой стороны, тогда конечно... Вроде как закодировался, да? А «Ливерпуль»-то твой всё ж припух!

– Почему мой?

– Так ты ж за него просил!

Тут Глеб повернулся наконец к Ефрему, и обнаружилось, что физиономия у воспитанника, вопреки ожиданиям, самая довольная.

– Просил за «Ливер», – ухмыльнувшись, согласился он. – А ставил на «Албасту». Система...

Пираты обоих полушарий

*Не ложися на краю...
Колыбельная*

Всю ночь снилась какая-то дрянь. Сначала Портнягин гонялся за кем-то с оружием в руках, потом, когда у него кончился боезапас, кто-то стал гоняться за ним и под утро прикончил самым унижительным образом, воткнув канцелярскую кнопку в позвоночник. Было не больно, но очень обидно. Портнягин лежал ничком у подножия дурацкого серо-зелёного баобаба, обездвиженный, с кнопкой в спине, знал, что убит, и задыхался от бессильной злости.

С этим чувством он и проснулся. Поёживаясь от неловкости, поднялся, убрал постель, накрыл узкий топчанчик позитивно заряженным байковым одеялом, если и похожим на тюремное, то лишь с виду. Запомнившийся клочками сон по-прежнему вызывал раздражение. Во-первых, не надо было прыгивать с дерева. Сидел бы и сидел себе в листве. Во-вторых, дура-напарница. Чёрт её знает, откуда она такая взялась! Тётенька лет сорока в ярком демаскирующем пончо, вдобавок униженная гремучими цепочками, браслетами, кольцами. Мечта снайпера. В течение всего сновидения незнакомка путалась под ногами, брэнчала, отсвечивала и заслоняла собой сектор обстрела. Если бы не она, хрен бы его загнали на баобаба!

Ощущая себя разбитым физически и духовно, ученик чародея выбрался из своего чуланчика и, убедившись, что старый колдун Ефрем Нехорошев ещё почивать изволят, побрёл к двери совмещённого санузла. Ну вот с чего бы такое могло присниться? В компьютерные бродилки-стрелялки Глеб не играл уже месяца два. Некогда было...

Почистил зубы – почистить чакры. Но для начала, как советует наставник, неплохо бы проверить себя на предмет порчи или сглаза. Портнягин взял со стеклянной полочки стакан, налил в него с горкой святой воды из графинчика, сосредоточился и чиркнул спичкой. Разумеется, от себя, ибо чиркать к себе – как говорят, великий грех, да и глаз выжечь можно. Вовремя перехватил спичку за спёкшуюся горячую головку, выждал, пока хвостик сгорит дотла, бросил в воду. Хрупкий древесноугольный червячок стал торчком, затем внезапно взял и утонул.

Так...

Портнягин нахмурился и, отставив стакан, затеплил тонкую церковную свечу. Слабое потрескивание фитилька свидетельствовало отнюдь не о качестве продукции, как подумал бы какой-нибудь отпетый материалист, но о локальном нарушении работы одной или нескольких чакр (сглаз). Тонкий шлейф копоты говорил о наличии посторонней программы (порча). И то и другое прослеживалось, правда, в лёгкой форме, и тем не менее результат озадачивал. Вчера вечером всё было в порядке. Получалось, что Глеб нахватался отрицаловки во сне.

Надо будет с Ефремом потолковать... когда тот продерёт ясны очи. А пока – что ж – займёмся самолечением.

Как известно даже малым детям, энергетическую чистку надлежит проводить по нисходящей, начиная с верхней чакры. Портнягин поднял над макушкой горящую свечу и принялся совершать ею троекратные круговые движения по часовой стрелке. Треск и копоть не прекратились, и обряд пришлось повторить. Сверху и спереди это сделать легко. А вот чиститься со спины – всё равно что одному в бане мыться: и руки короткие, и некого попросить об одолжении. Того гляди лопатку прижжёшь...

Когда наконец ученик чародея добился духовной чистоты, то есть ровного горения фитилька, ощущение разбитости частично исчезло, однако усталость уходит всё ещё не желала. Тогда подхарчимся энергией. Портнягин сел на табуретку и, держа свечку перед собой, сделал первый вдох, представляя, как тепло и свет входят в самую серединку его закапанной воском макушки. При выдохе прогонял волну вниз, к ногам.

Ну вот, уже гораздо лучше. Теперь главное – уберечь и сохранить достигнутое. Упражнение довольно простое: не вставая с табуретки, мысленно намечаем светящуюся точку над темечком и мысленно же запускаем её на манер орбитальной станции по спирали от головы до пят и обратно, постепенно убыстряя вращение, пока не получится непроницаемый кокон. Ефрем говорил, что со временем привыкаешь ставить такую защиту моментально, автоматом – при малейшем подозрительном шорохе в астрале.

* * *

Совмещённый санузел ученик колдуна покидал совершенно другим человеком. Как будто заново родился.

Ефрем ещё дрых без задних ног. Портнягин подошёл к самодельному стеллажу с эзотерической литературой, провёл пальцем по корешкам сонников. Наиболее соблазнительно выглядели два ископаемых фолианта с застёжками, но их-то Глеб как раз решил не трогать. Во-первых, там всё наверняка на древнерусском, а во-вторых, вряд ли нашим пращурам являлись во снах канцелярские кнопки. Поколебавшись, выбрал относительно новое издание и переместился с ним за стол. В списке статей «баобаба» не обнаружилось, и Портнягин решил попытать удачи со словом «дерево».

Ага, есть! «Дерево, основной частью которого следует считать ствол, является символом мужских половых органов». Нет, пожалуй, ствола у приснившегося баобаба, можно сказать, не было вообще – так, ветви одни, мощные, правда, развилистые. Ну-ка, дальше... «Если мужчина видит во сне какое-нибудь дерево, то это говорит об его интересе к гомосексуализму».

Портнягин выпрямился, стиснул зубы, потом медленно закрыл книгу и, взглянув на обложку, на всякий случай запомнил фамилию автора.

Справившись с неприязнью, открыл снова. «Мужчина, сидящий под деревом...» Фигня! «Если Вы сажаете дерево...» «Если Вы рубите дерево...» Тоже фигня... А! Вот! «Увидеть во сне экзотические деревья в ходе увлекательного путешествия – к тому, что все горести и печали быстро забудутся». Что ж, неплохо... «Если во сне Вы залезли на дерево, то Вас ожидает блестящая карьера». Ну, это мы и сами знаем... Так! Вот он, наш случай: «Если во сне Вы упали с дерева и сильно ударились, то, несмотря на все Ваши попытки, Вам не удастся довести до конца задуманное. Возможно, Вы потеряете работу».

А он сильно ударился? Помнится, удара не было вообще. Да и не упал он вовсе, а сам спрыгнул, поскользнулся просто... Посмотрим-ка «незнакомку».

«Встреча с незнакомцами может являться признаком как добра, так и зла. Всё зависит от того, какое впечатление на Вас производит внешность этих людей».

Портнягин пожал плечами. Внешность у нечаянной напарницы была не добрая, не злая, а самая что ни есть дурацкая. Да и поведение не лучше... Едем дальше. Убийство. «Если во сне Вас пытаются убить – будьте предельно осторожны на улице и бдительны за рулём...» Такое впечатление, что сонник составляли бывшие менты.

Та-ак... А что у нас с «канцелярской кнопкой»? Ого! Довольно много. «Видеть во сне канцелярскую кнопку предвещает разумное решение в спорном вопросе. Сесть на неё – в голову придёт оригинальная идея, осуществление которой может принести известность и достаток».

Вот и думай теперь...

– Доброе утро, Глебушка... Сновидения толкуешь?

Насмешливый голос наставника застал по обыкновению Глеба врасплох. Старый колдун Ефрем Нехорошев в шлёпанцах и в халате уже стоял посреди комнаты. Бодр, свеж, даже, кажется, умыт. Когда успел? И койка прибрана...

– Неужто единорог пригрелся? – вкрадчиво, с елеиным благоговением осведомился старикан. – Белой масти, небось?

– Да так, – хмуро отвечал Глеб, захлопывая книжку. – Фигня всякая...

* * *

Только-только учитель с учеником успели позавтракать, как послышался первый стук в дверь.

– Ранняя пташка, – заметил Ефрем. – Ну, встретить поди...

Глеб Портнягин вышел в прихожую, открыл. На пороге стояла дама лет сорока, облачённая в яркое демаскирующее пончо. Мечта снайпера. При виде открывшего пришедшая отшатнулась с громким брэнчанием, поскольку руки её, шея и, как вскоре выяснилось, лодыжки были сплошь унизаны браслетами, цепочками и кольцами. Пару мгновений оба, не веря глазам, смотрели друг на друга.

– Простите... – жалобно выговорила она, хлопая накладными ресницами. – Мы с вами раньше нигде?.. Откуда-то мне ваше лицо...

– Ваше мне... тоже... – растерянно отозвался он. – Откуда-то...

– Вы... не художник?..

– Н-нет...

– И-и... к театру никакого отношения?..

– Нет, – придя в себя, решительно сказал Портнягин. – Вы, наверно, к Ефрему Нехорошеву?

Обоих можно было понять: заикнёшься, что видел собеседника во сне, – тот, пожалуй, заподозрит тебя в попытке завязать с порога неуставные отношения.

Огласив комнатёнку дребезгом бронзовых висюлек, так и не оправившаяся от неожиданности гостя проследовала к предложенному ей креслу и, севши, почти полностью накрыла его обширным, как парашют, пончо.

– Я – Ирина Расстригина... – представилась она с лёгким недоумением, будто уже и в собственном имени усомнясь. – Завлит драмтеатра имени доктора Калигари... – Не выдержав, снова повернулась к Портнягину. – Нет, но... просто поразительно... Одно лицо!

– У кого? – мигом заинтересовался Ефрем.

– Да вот у вашего... м-м...

– Мой ученик, – веско изронил кудесник. – Глеб Портнягин. Неужто кто похожий нашёлся?

– Приснился... – вынуждена была расколоться она.

– Ишь, озорник! А подробнее?

– Мы... переехали... – то ли объяснила, то ли напомнила Ирина Расстригина. – И в первую ночь... такой сон странный...

– На новом месте приснись жених невесте? – со скабрёзной ухмылкой, предположил старый циник.

Гостя вспыхнула.

– Во-первых, я замужем, – известила она свысока. – Если на то пошло, даже и не во-первых...

– А во-вторых?

– А во-вторых, не склонна к педофилии!

Ишь ты! А жальце-то у неё – востренькое. Хотя... В театре работает – там без этого не выживешь.

– Так, – сказал Ефрем, усмехнувшись в бородёнку. – Сон, говоришь, странный... А что странного-то? Нормальный сон в руку. Увидела молодого парня, пришла, а он тут как тут...

– Странного – много, – холодно возразила Ирина Расстригина, неприятно поражённая склонностью кудесника к простонародному юмору. – Утром позвонила Зине... нашей костюмерше... начала рассказывать... Она говорит: да что ты?!

– Так... – насупился колдун. – То же самое приснилось?

– Да!

– И тоже переезжала?

– Н-нет... Насколько я знаю, нет.

– Другие какие перемены...

– У Зины? Вообще-то копают под неё... в последнее время... Собственно, не под неё, а под директора, но это всё равно...

– Ну, копают – подо всех копают... А ещё что странного? Кроме Глеба, конечно...

– Во сне или наяву?

– Во сне, матушка, во сне...

– Жанр, – с брезгливой гримаской произнесла заведующая литературной частью. – Даже не детектив... Эшн. Причём самого вульгарного пошиба... Всю ночь беготня, стрельба... В руках у меня почему-то пистолет... или револьвер... Честно сказать, я не очень их различаю...

– Нет, ну разница-то есть, – мягко заметил старый чародей.

– Знаю, – сказала она. – Уже смотрела... Пистолет – знак несчастий, газовый, понятно, к слезам, револьвер – печальное расставание...

Кажется, ученик колдуна и завлит драмтеатра имени Калигари, не стовариваясь, пользовались одним и тем же сонником. Кстати, а из чего сам-то Глеб ночью палил? Из чего-то с прикладом... оскорбительно допотопного... вроде бы даже однозарядного... С «калашом» он бы их всех сделал!

Портнягин покосился на учителя и внезапно уразумел, что дело-то, кажется, нешуточное. Нехороший огонёк теплился в желтоватых глазёнках старого колдуна.

– Много народу поубивала?

– Да какой из меня стрелок!

– Наяву – никакой. А во сне – это ещё как посмотреть... Вспоминай давай!

– Кажется, никого... Мазала всё время...

– Как одета была?

– Как сейчас... – испуганно отозвалась мечта снайпера. Беседа всё более напоминала допрос с пристрастием.

– А он? – Ефрем, не глядя, кивнул на Портнягина.

– Чуть не прикончил! – не устояв, нажаловалась она. – Палил над самым ухом. Вообще вёл себя... – Ирина Расстригина смерила Глеба неприязненным взглядом, – ...не по-джентльменски... Использовал как прикрытие!

– Ай-яй-яй... – машинально съязвил колдун. Морщинистое лицо его, однако, весельем не светилось. – И как? Помогло?

– В смысле?

– Ну... многих он положил? Из-за прикрытия...

– Понятия не имею! Не до того было...

– А подружка твоя?

– Какая подружка?

– Костюмерша...

– Ну, не то чтобы подружка... Её танком переехало.

– Бэтээром, – имел неосторожность вслух уточнить Глеб.

Брякнули украшения. Учитель и гостя смотрели на Портнягина с нездоровым любопытством.

– Женщинам танки снятся довольно редко, – вынужден был пояснить он и, видимо, не соврал. Вопреки общему мнению, соврать не так-то просто. Для этого, прежде всего, надо знать правду, а многие ли её знают? Портнягин, например, не знал.

– Это верно... – подумав, согласился колдун и снова повернулся к сновидице. – Картина в целом ясная, – утешил он. – В театре у вас интрига на полном ходу... Так?

– Естественно! – с царственным достоинством подтвердила Ирина Расстригина.

– Зину твою, костюмершу, скорее всего, уволят...

– За что?

– Ну если броневичком переехало... Найдут, за что!

– А избежать... никак?

– Надо будет, сама придёт... Ты о себе, о себе, матушка, думай! Отстреливалась – хорошо. Ни разу не попала – плохо. А на Глебушку не серчай. Он ведь тебя, получается, защищал. Как мог, так и защищал...

– Но я пока не просила о защите!

– А куда ж ты, дурашка, денешься? – ласково сказал Ефрем. – Сон-то – вещий. Сама, чай, по адресу пришла...

* * *

Плотно закрыв входную дверь за гостьей из ночного кошмара, Портнягин вернулся в комнату, где был встречен неистовым взглядом наставника.

– Совсем обнаглели! – проскрежетал старый колдун Ефрем Нехорошев. Встал с табурета и заходил взад-вперёд, чего с ним до сей поры, кажется, ещё не случалось, как бы сильно он ни был выведен из себя.

– Кто обнаглел? – не понял Глеб.

– Да такие же, как ты, обормоты! – выписал учитель мимоходом чертей ни в чём не повинному воспитаннику. – Нахватаются вершков – и ну дурака валять! Сонтехники хреновы... – Остановился, уставился. – Про броневичок откуда узнал? И тебе то же самое приснилось?

– Ну да... Что? Вправду вещий сон?

– Вещий он там... – пробурчал кудесник, снова опускаясь на табурет. – Зловещий... Одно из двух, – малость успокоясь, заключил он. – Либо нюх потеряли... Ну, не знали просто, что ты – мой ученик... Либо отмёрзли вконец, никого уже в грош не ставят... Ох, дождутся они у меня, ох, допрыгаются!

– Да кто они-то?

Как и подобает истинному колдуну, ответил Ефрем не сразу. Сначала вымотал душу долгим сердитым молчанием, потом наконец соизволил снизойти.

– Человек спит, а мозг работает, – бросил он. – На кого?

– Как это на кого? – опешил Глеб. – Сам по себе...

Кудесник усмехнулся.

– Сам по себе, – с горечью повторил он. – Чисто дети малые! Используют черепушку вашу как хотят, а вам, лохам, и невдомёк! Сам по себе...

– Кто использует?

– Хакеры, – сказал, как сплюнул, Ефрем. – Пираты... Ну чего разморгался? В астрале, чтоб ты знал, хакерство ещё сильнее, чем в Интернете твоём... Всю ночь на обоих ваших полушариях в игрушки играют, а вы думаете, что сны вам снятся!

– Кто играет? – недобро прищурясь, процедил Глеб Портнягин.

– Я ж говорю: недоучки всякие вроде тебя... В астрал по ночам хоть не выходи! Понапугают энергетических шнуров своих... от мозга к мозгу...

– А колдуны?

– Ну... ты колдунов-то с подколдовками не равняй! – одёрнул ученика Ефрем. – Колдуны – народ серьёзный. Только по крупному заказу спящим мозги ломают. Должника во сне припугнуть... или там сведения какие выудить...

– Погоди... А сонники?

– А сонники – сонниками... Приснилось – нехай толкуют! Пожар – к потопу, потоп – к пожару. Фрейду, например, в своё время за это дело большие деньги плочены были...

– Слышь, – ошеломлённо вымолвил Портнягин, присаживаясь на свободный табурет и пытаясь собраться с мыслями. – Это, что ж выходит? Это выходит, они нас, гады, вчера в одну сеть замкнули?... Меня, Ирину эту Расстригину, Зинку её... костюмершу... Троих?

– Да наверно поболее, чем троих. Обычно игроки мозгов пятнадцать вместе цепляют... Скажем, приснился тебе незнакомый город. А он из другой памяти выдернут! «Железо»-то у нас... – Старый колдун Ефрем Нехорошев выразительно постучал себя полусогнутым пальцем повыше виска. – ...не чета компьютеру – ёмкое. Вот только программы хреновенькие... – посетовал он.

– А уберечься как?

– Обыкновенно. Защиту поставить. Дело нехитрое... На порчу себя утром проверял?

– Проверял.

– И что?

– Чиститься пришлось...

– То есть ещё и вирусов астральных занесли, – крикнул Ефрем. – Ш-шалопаи!

По мере прояснения ситуации настроение Глеба стремительно улучшалось. Если виновные – его ровесники, разобраться с ними труда не составит.

– Выходит, ты Ирине этой лапшу на уши вешал? – с ухмылкой уличил он наставника.

– Это почему же? – вскинулся тот. – Что я не так сказал?

– Ну... что сон вещий...

– Конечно, вещий. Думаешь, кто теперь её умную голову по ночам охранять будет? Ты и будешь.

– А я умею?

– Научу. Какие твои годы!

* * *

Сон Ирины Расстригиной был глубок, но беспокоен. Оба полушария работали на всю катушку. Портнягин обошёл кругом чудовищный баобаб, поглядел ввысь, хмыкнул. Согласно соннику, если женщине пригрезится хотя бы одно-единственное хиленькое деревцо, то, стало быть, она не удовлетворена сексуально.

А тут такой баобабище!

Впрочем, нет худа без добра. Зато из листвы хорошо отстреливаться...

В остальном местность представляла собой плоскую пустыню в стиле Дали с колоссальным, полым, полуразрушенным бюстом какого-то исторического лица на горизонте. Истолковать сей артефакт самостоятельно Портнягин бы не рискнул. Ещё неподалёку громоздился фанерный крашенный сундук, из-под крышки которого выглядывал красный обшлаг с золотыми пуговицами. Должно быть, клочок сна костюмерши Зины.

– Опаньки! – озадаченно вымолвили сзади.

Глеб обернулся и увидел двоих вооружённых молодых людей, одного из которых он, помнится, где-то уже встречал наяву.

– Так это вы, падлы, позавчера в моём сне шарились? – зловеще осведомился ученик чародея. – А если на Ворожейке встречу?

Те переглянулись.

– Ошибочка вышла, Глеб, – заискивающе сказал полужнакомый. – Подцепились не глядя, ну и...

– Второго раза не будет! – истово заверил другой.

– Не будет, – кивнул Портнягин. – И здесь тоже ничего не будет. Ни бродилок, ни стрелялок. Это нашего клиента сон.

– Какие дела? – с готовностью вскричал полужнакомый, округлив от искренности глаза. – Что ж мы, не понимаем? Раз сонтехника вызвали... Под охраной, так под охраной. Тем более Поликарпыча клиентура...

Несмотря на упоминание отчества старого колдуна, обоих явно страшила не столько астральная разборка с Ефремом Нехорошевым, сколько физическая с Глебом Портнягиным.

– Так мы пойдём... – как бы прося позволения, сказал один – и корсары мозговых извилин попятились, собираясь, судя по всему, сгинуть с глаз долой.

– А ну-ка тормозни! – последовал негромкий оклик.

Оба замерли.

– Канцелярскую кнопку – прощаю... – угрюмо оповестил Портнягин. Чувствовалось, однако, что продолжение ещё последует. Запала тишина. Глеб почесал вздёрнутую бровь – и вдруг махнул рукой. – А, ладно! – решил он. – Пока под охрану не взял... Может, сыграем разок?

Шутик

С кем ты мне изменяешь, память?
Великий Нгуен

Глеб Портнягин был свято убеждён в том, что свою ученическую тетрадку в приметной клетчатой обложке он бросил по обыкновению на край тумбочки. Теперь её там не наблюдалось.

Многие полагают, будто забывчивость – следствие скверной памяти. Они ошибаются. Забывчивость, прежде всего, проистекает из неуверенности в себе. Допустим, лезет человек за бумажником и обнаруживает в кармане пустоту.

«Куда же я его дел?» – холодеет один.

«Спёрли!» – мысленно ахает второй.

И, даже если потом выяснится, что спёрли-то как раз у первого, а второй по рассеянности сунул кошелёк не туда, сути это нисколько не меняет. Нашёлся в другом кармане? Ну, значит, спёрли, а потом испугались и снова подбросили. Версия, понятно, сомнительная, но, когда речь заходит о собственной правоте, тут уж, согласитесь, не до правдоподобия.

Думаете, почему женщина отлично помнит то, о чём мужчина впервые слышит? Именно поэтому!

Так вот, склеротиком себя Глеб никогда не считал. С молодых ногтей, заметив пропажу какой-либо личной вещи, он брал ближних в оборот – и рано ли, поздно ли, но утраченное ему приносили. В крайнем случае, возмещали стоимость.

Сложность, однако, заключалась в том, что, кроме самого Глеба, в узкий снабжённый бойницеобразным оконцем чуланчик, где он обитал на правах ученика, никто с утра не входил – во всяком случае, из материально оформленных сущностей. Волей-неволей пришлось выдвинуть ящичек, потом открыть дверцу тумбочки и, не найдя в её недрах искомого, испить чашу унижения до дна – заглянуть под топчан.

Под топчаном имелось всё что душе угодно, включая початый ящик водки, принятый позавчера на хранение у склонного к запоям наставника. Не было только тетрадки.

В задумчивости юноша покинул тесное своё обиталище и проследовал в комнатёнку, загромождённую древней мебелью и не менее древней утварью. Старый колдун Ефрем Нехорошев сидел у застеленного газеткой стола, одетый по-домашнему, и сооружал нечто напоминающее лорнет с закопченным стёклышком. Мастерил по заказу. Покосился из-под всклоченной брови на вошедшего и снова сосредоточился на рукоделии.

– Ефрем, – сердито сказал Глеб. – Ты мою тетрадку брал?

Чародей восторженно хрюкнул. Вообще был смешлив.

– Брал, как же, брал! – с язвительной готовностью подхватил он. – Ошибки исправить... Вдруг запятая где не там стоит!

Срезал, что называется. Продолжать дознание не имело смысла. Даже если и вправду брал, попробуй уличи! Память способнейшего из учеников неизменно пасует перед памятью учителя уже в силу возможной выволочки.

Вторым внимание Глеба привлёк распластавшийся на мониторе серо-белый кот Калиостро. Дрых он там чуть ли не со вчерашнего вечера, что, впрочем, ни о чём ещё не говорило, поскольку алиби у кошек нет и быть не может – в связи с их способностью находиться одновременно в нескольких местах. Специальная литература полна историй о котах с двумя, а то и с тремя хозяевами. Проникнуть в запертое помещение для этих тварей тоже не проблема. Однако с лохматой серо-белой бестией Глеб чуть ли не в первый день своего ученичества заключил пакт о ненападении. Допустим даже, что котяра, рискуя испортить отношения, уво-

лок тетрадку из вредности, но ведь не дальше чуланчика! Сквозь дверь он бы её никак не протаскил... А чуланчик Глеб только что обыскал.

Ладно, положим, материальные сущности отмазались. А что с нематериальными? Учёная хыка отваживается выходить из-под койки на долгую прогулку только в безлунные ночи при выключенном свете. Днём её вылазки редки, мгновенны и обязательно связаны с изгнанием нежеланного посетителя, дай ему Бог здоровья, если, конечно, получится. Однако с утра в дом кудесника никто самовольно не вламывался, а тетрадка лежала себе на тумбочке. Стало быть, и на хыку стрелки не переведёшь...

Оставался всего один подозреваемый.

Портнягин приблизился к яростно вращающемуся напольному вентилятору, лишённому шнура и мотора.

– Ефрем, – снова позвал учителя ученик. – А он всё время его крутит или как?

– Барабашка-то? – откликнулся тот, склонив над столом редёющие нечёсанные патлы. – Всё время... Никак сам себя, бедолага, не ухватит. Проворный...

– И с чего его так зациклило?

– А с чего вас перед игровыми автоматами циклит? – с ухмылкой отвечал колдун. – Вот и его с того же... Азарт, Глебушка, азарт! Вся разница: вам-то, слышь, то поспать надо, то поесть, то на работу сходить... А ему ж ничего такого не требуется. Энергетика... – Ефрем выпрямил хребеток, приставил собранный лорнет к правому глазу, посмотрел на дребезжащий подпрыгивающий ветряк и, судя по гримасе, остался доволен изделием. – Поди взгляни...

Глеб подошёл, взглянул. Обычно старикан запрещал ему баловаться приборами астрального видения: сам, дескать, духовное зрение развивай! Вообще держал в ежовых рукавицах... Но тут, конечно, случай был особый: своей работой – да не похвастаться?

Физический мир сквозь закопченное стёклышко был почти не виден. Зато явственно проступил астрал: в частности, увлечённый ловлей собственной пятки барабашка, заодно приводящий в движение лопасти вентилятора. Строго говоря, барабашки четвероруки, но так уж принято выражаться: за пятку, мол, себя ловит.

– Да, круто подсел пацан... – заметил Глеб, возвращая хитроумное, хотя и простенькое устройство. – А домовые к тебе не заглядывают?

– Гоняю я их... – с кислой миной промолвил Ефрем. – Зверушки ничего, забавные, но линяют. И ладно бы физически, а то ведь весь эфирный слой от них в пуху...

– Значит, забредают иногда, раз гоняешь?

– А что это ты вдруг про них?

– Тетрадка у меня пропала! – досадливо напомнил Глеб. – Вот думаю теперь, кто взял...

– А чего тут думать? – удивился колдун. – Если нечисть какая спрятала, вежливенько попроси вернуть. А не вернёт – матом обругай, они этого сильно не любят, особенно домовые...

* * *

С лёгкой руки репортёров, введённых в заблуждение недобросовестными свидетелями, принято считать барабашек городской разновидностью домового. Когда подобную нелепость повторяет обыватель, его трудно за это винить, но, когда то же самое слышишь от человека, имеющего дерзость называть себя специалистом, право, досада берёт. Невозможно даже вообразить более далёкое от истины утверждение, однако оно уже становится расхожим.

Дальше, как говорится, ехать некуда!

И стоит ли удивляться уровню профессиональной подготовки, если рынок заполнили проходимцы и самоучки, овладевавшие азами ремесла по одноразовым (и, как правило, уже использованным!) учебникам магии, а то и вовсе по комиксам. Будучи прямым наследником заборной живописи, данный вид бумажной продукции, несмотря на отчаянную борьбу мини-

стерства просвещения с грамотностью, у нас до сих пор приживается неохотно. И слава Богу! Вся эта эзотерика в картинках и оккультные книжки-раскраски способны лишь ввести потребителя в заблуждение, поскольку астральная фауна представлена в них с вопиющими ошибками.

Между тем достаточно сравнить носопырку домового с дрыхальцем барабашки, чтобы уяснить, до какой степени несходно их строение. То же касается и остальных органалей. Далее. Барабашка – исключительно потустороннее существо, способное, правда, перемещать физические предметы. Домовой, напротив, одинаково хорошо чувствует себя по обе стороны незримой грани, отделяющей грубоматериальный мир от тонкоматериального. Обычно он является нам в виде обаятельного пушистого зверька, но может принять и облик морщинистого карлика в ношенной национальной одежде. И наконец главное: домовые в отличие от барабашек владеют членораздельной речью.

Происходя от разных корней, принадлежа к заведомо нескрещивающимся видам (барабашки вообще почкуются), и те, и другие тем не менее делят один ареал и зачастую ведут себя очень похоже, что, видимо, и послужило причиной досадной путаницы.

* * *

– Шутик, шутик, поиграй и отдай! – вежливо попросил Глеб Портнягин, сильно подозревая, что без мата тут всё-таки не обойтись.

Потом вспомнил, что под приглядом ни барабашка, ни тем более домовый никогда ничего не возвратят, и отвернулся. Выждав с полминуты, украдкой покосился на тумбочку. Там, как и предполагалось, было по-прежнему пусто. Глеб набрал уже воздуха, собираясь приступить ко второму, решающему этапу убеждения, когда заметил вдруг торчащий из-под подушки клетчатый уголок тетради.

Ну то-то же...

Кто бы это, интересно, проказничал?

Созерцать потустороннее, не покидая при этом брэнной своей оболочки, Портнягин ещё не умел, так что застукать незримого озорника можно было всего двумя способами. Первый: временно позаимствовать собранный Ефремом приборчик. Второй: возлечь, как полагается, на топчан, отрешиться, сосредоточиться – и выйти в астрал целиком. Посомневавшись, Глеб остановился на втором варианте, поскольку первый был чреват нешуточной разборкой.

Лёг на спину, изгнал мысли – и вскоре ощутил дрожь, сопровождаемую примерно тем же дребезжащим звуком, что издавал разгоняемый зациклившимся барабашкой напольный вентилятор, только гораздо громче, словно вертушку вставили прямым в череп. Затем ученик чародея почувствовал, как тело его (астральное, разумеется) всплывает над топчаном. Предметы налились тусклым светом неопределённого оттенка, из стены справа вынырнула стайка полупрозрачных удлинённых клочков позитивной энергии и, торопливо пересёкши тесное помещение, сгинула в той стене, что слева. Продолговатики.

Внезапно Глеба с необоримой неспешностью развернуло и поставило торчмя, хотя сам он ничего подобного делать не собирался. На секунду стало страшновато, однако вскоре Портнягин сообразил, что астральное тело просто-напросто выполняет установку, неосознанно данную хозяином перед вылазкой в тонкие миры. А установка была: выйти на виновного. Наконец невидимая сила уткнула Глеба лицом в простенок между углом и дверью. Всмотревшись, он различил контуры некрупного барабашки, припавшего к эфирной притолке. Хватательный рефлекс в отличие от логического мышления в астрале не утрачивается – напротив, обостряется, и, прежде чем ученик колдуна успел оценить собственные действия, его пятерня, не дожидаясь приказа, сграбастала прозрачный загривочек твари, сопротивления, кстати, не оказавшей.

Поначалу Глебу почудилось, что барабашка – тот самый, из вентилятора. Хотя их ещё поди различить! Да и Ефрем недавно сказал, что, если заикнулся, то навсегда... Или опять пошутил?

Пройдя с неожиданной добычей прямо сквозь хлипкую гипсолитовую переборку, Портнягин вновь очутился в комнате, но учитель был там уже не один. Клиент пожаловал.

Старый колдун бросил неприязненный взгляд на физически незримого питомца, однако смолчал и знака удалиться не подал. Поэтому Глеб счёл себя вправе подождать конца визита, так сказать, инкогнито. Вентилятор трясся и дребезжал, как всегда.

– Ну, что тебе тут можно посоветовать... – неторопливо вещал Ефрем. – Лестница у тебя в особняке как закручена? По часовой стрелке или против?

Клиент был исполнен почтения.

– Если поднимаешься – против... – отвечал он как на духу.

– Вот! – Старый колдун многозначительно понял палец. – Потому-то у тебя с делами порядок, а дома нелады... Ты ж, Господи прости, в офис-то свой из особняка, получается, по часовой стрелке идёшь, а домой-то возвращаешься – наоборот! Вишь, незадача какая... – Ефрем задумался. Клиент смотрел на него с надеждой. – Слышь! – вскричал осенённый чародей. – А ты возьми и вторую лестницу пристрой! Чтобы, значит, и подыматься так же, как спускаешься, по часовой... Или накладно?

– Что вы, что вы! Какое «накладно»! Да я ради семьи...

– Вот и славно... Теперь паркет. – Колдун опечалился, помотал бородёнкой. – С паркетом – беда-а...

– А что такое? – всполошился клиент.

– Ну как... Ежели, не дай Бог, хоронить кого, гроб-то положено вдоль половицы ставить! Иначе повымрут все! А как ты его на паркете вдоль половицы поставишь? Крути, не крути – всё поперёк получается!

– И как же тогда? А то линолеум, знаете... несолидно...

– Значит, обычай такой: купи новые тапки, отдай у церкви и, помянув усопшего, скажи: «Нам в разные стороны».

– Вслух?

– Можно и про себя...

Чужой барабашка понуро свисал из ухватистой пятерни Глеба без единой попытки вырваться и лишь иногда вяло поджимал четырёхпалые ручонки. Странно. Ефрем предупреждал: брыкучие, хрен удержишь... Может, больной? Как бы от него ещё инфекцию какую-нибудь астральную не подцепить...

Тем временем владелец особняка расплатился, откланялся и в задумчивости отбыл. Лестницу пристраивать пошёл. Или тапки покупать. Старый колдун с интересом повернулся к энергетической ипостаси ученика.

– Гляди-ка! – одобрительно заметил он. – И впрямь поймал... А чего это он у тебя квёлый такой?

– Да я вот тоже думаю: вдруг заразный... – озабоченно отозвался Глеб.

– Покажи-ка поближе...

Портнягин подплыл к Ефрему, предъявил задержанного.

– Не-е... – приглядевшись, успокоил наставник. – Зараза тут ни при чём. Это, видать, тяпнул его кто-то... Лапка-то, а? Ай-яй-яй-яй...

Действительно, задняя хватательная конечность потустороннего существа была заметно тоньше, прозрачнее других и вдобавок рахитично скрючена.

– И кто же это нас так тяпнул? – задумчиво продолжал Ефрем. – А-а... Понятно. На хыку нарвался, – сообщил он Глебу. – Может, даже и на нашу...

– А разве хыки негативку хавают? – усомнился ученик.

- С голодухи? Запросто!
- И что с ним теперь делать?
- Ну не наказывать же! – резонно молвил колдун. – И так вон досталось задохлику... Тетрадку, небось, из последних силёнок прятал... Сразу вернул или материть пришлось?
- Сразу.
- Ну вот видишь... Отпусти. Может, ещё оклемается...

* * *

Снова преодолев гипсолитовую перегородку, Глеб Портнягин, колеблясь в обоих смыслах этого слова, завис посреди чуланчика. Отпускать пойманных на месте преступления барабашек ему ещё не доводилось. Просто разжать кулак: ступай, дескать, на все шесть сторон? А ну как не захочет? Ну как останется и опять что-нибудь занывает?

Однажды Ефрем в присутствии Глеба выхватил из воздуха нечто недоступное глазу и кинул ко всем чертям сквозь стену. Кстати, а вдруг не сквозь? Вдруг именно об стену? Точнее – об эфирный её эквивалент...

Живодёром Портнягин никогда не был. Пусть даже наставник уничтожил в тот раз нечто зловредное, но сейчас-то случай другой... В сомнении Глеб подплыл к внешней капитальной стене и, бережно просунув руку с барабашкой во двор, растопырил пальцы.

Ныне отпускаешь...

Физическое тело Портнягина лежало навзничь на топчанчике и, прикрыв веки, с блаженным идиотизмом улыбалось в потолок. Каждый раз после выхода в астрал, вновь одеваясь, как говорят старожилы, в ризы кожаные, Глеб неизменно испытывал неловкость за свою брентную оболочку, хотя прикид у него, конечно, был – позавидуешь: рост, размер, покрыв. Да и качество – дай Бог каждому!

И вот тем не менее...

Совсем уже собравшись вернуться в наш суетный мир, ученик чародея внезапно уловил лёгкое движение в изголовье топчанчика. Вернувшийся со двора барабашка попытался ослабевшей, но всё ещё шаловливой ручонкой запихнуть уголок тетради под подушку. Прятал.

Решительно облачась в грубую материю, Глеб покинул чуланчик.

– Ефрем! – хмуро молвил он, снова появляясь в комнате. – Может, подкормить его сначала? Пропадёт же...

– А что ж? – согласился покладистый чародей, снимая очки и кладя на стол чёрную книгу. – Подкорми...

– Как?

– А посади вон на плаху...

Оба посмотрели в угол, где стоял набрякший негативной энергетикой замшелый плоский пень, на котором, согласно легенде, простился когда-то с жизнью известный Рафля.

– В самый раз для барабашки, – заверил Ефрем. – Заодно угланчиками подхарчится... Вон их сколько! Роем ходят...

Действительно, даже не наострившийся ещё глаз ученика и то различал слабое поползновение стеклистых пузырьков над тухлявым древесным обрубок.

– Это с тех пор отрицаловка не выдохлась? – недоверчиво хмыкнул Глеб.

– Подновляем помаленьку... – не стал запираться колдун. – Да и начальный заряд сильный был... Мало, что казнили, ещё и надсмелись! Рафле-то, слышь, стрелецкий полковник предложил: выбирай, мол, сам, что тебе отрубить...

– А он?

– Отрубите меня, говорит, ваша милость, всего сразу.

– Ловко! – восхитился Глеб.

– Чего ловко-то? – насупился колдун. – Всё равно четвертовали... Ироды! Ну давай тащи сюда инвалида своего...

* * *

В отличие от тамтама, туттут требует длительного нагрева – и всё равно звучит глуховато. Плотнo задрапировав застеклённую бойницу байковым одеялом, Портнягин расположился на коврике в позе астраханского лотоса, зажёл свечи, спиртовку и, сунув руку под топчан, не обнаружил там инструмента.

– Шутик, шутик, поиграй и отдай! – процедил он, нечеловеческим усилием воли смирив соблазн сразу же прибегнуть к матерному ритуалу.

Выждав, взял одну из свечей, посветил под дощатое ложе. Нету.

Встал, включил лампочку. Туттут преспокойно лежал на топчане. И Глеб Портнягин заматерился всуе.

Дверь чуланчика приоткрылась.

– Воюешь? – насмешливо любопытствовал старый чародей, окидывая зорким оком спиртовку, свечи, туттут, задрапированное оконце, магические знаки на полу, меловой круг и лежащую посередине финку с наборной рукоятью.

– А чо она! – в остервенении проговорил Портнягин.

– Она? – опешил колдун. – Барабашка? Они ж бесполые!

– Его счастье! – проскрежетал доведённый, видать, до белого каления ученик. – Оторвать нечего, а то бы...

– Опять спрятал что-нибудь?

– Всю медитацию мне сломал! – Глеб задул свечи, погасил спиртовку, сорвал одеяло с окна. – Весь расслабон...

– А чего ты хотел-то? Финку, что ли, на остриё поднять?

– Ну!

– Так вроде уже...

Портнягин обернулся. Холодное оружие стояло отвесно в центре мелового круга – и даже не покачивалось.

– Брысь! – рявкнул Глеб.

Финка упала со стуком.

– Вот ведь дёрнуло меня... – гневно отфыркиваясь, ученик чародея швырнул одеяло на топчан. – Пожалел дистрофика... Нет, но за неделю так обнаглеть, а? Подыхал ведь... А теперь, глянь, отъелся на наших угланчиках – щёки из-за спины видать!

– Щёки? – прыснул колдун. – Откуда?.. Не щёки это, Глебушка, это у них ощущалки такие. Два пузыря, как у лягушки: надует – и всё ими чувствует. Да-а, братец ты мой, – с удовольствием продолжал он. – Прикормил калачом – не отбить кирпичом. Так-то вот... Ну да не кручинься. Шутик твой вроде из перелётных. До октября пошкودит, а там и на юг махнёт... в горячие точки...

– До октября?! – ужаснулся Портнягин. – Да я его в святой воде утоплю до октября! Своими руками!.. – Устыдился, поднял с пола нож, положил на тумбочку. – Может, отнести подальше в астрал да оставить? – понизив голос, озабоченно предложил он.

– Попробуй, – одобрил колдун.

Бородёнка у Ефрема Нехорошева произрастала реденько, поэтому спрятать в ней ухмылку было крайне затруднительно.

* * *

Неизвестно, привёл ли Глеб свою угрозу в исполнение, но, судя по его день ото дня мрачнеющей физиономии, привёл и не однажды – разумеется, каждый раз при возвращении обнаруживая в чуланчике всё того же Шутика, успевшего вернуться раньше.

Старый колдун Ефрем Нехорошев (сам забавник не хуже барабашки) с наслаждением истинного ценителя наблюдал за развитием непростых отношений воспитанника и приёмыша. Его-то вся эта история, можно сказать, не коснулась. Учёная хыка быстро поняла, что Шутик свой, однако тот, умудрённый горьким опытом, в комнату кудесника по-прежнему даже и дрыхальца сунуть не смел, предпочитая бедокурить в тесных пределах Глебовых владений.

Так продолжалось около недели. А потом что-то вдруг изменилось. Старый колдун почувал это сразу. Портнягин уже никого не сулил утопить в святой воде, да и сдавленного мата за гипсолитовой переборкой больше не слышалось.

– Помирились, что ли?

– А чего ссориться? – невозмутимо отвечал Глеб. – Нормальная зверушка...

– Не прячет больше ничего?

– Ну так возвращает же...

Наставник мудро ограничился кивком. И правильно сделал. Загадочной молчаливости Глеба хватило не надолго.

– Знаешь, Ефрем... – признался он ни с того ни с сего. – А память-то у меня, оказывается, хреновенькая была...

Признание прозвучало неожиданно, поскольку самокритичностью Портнягин не отличался никогда.

– Ну-ка, ну-ка... – с живым интересом поворачиваясь к ученику, подбодрил колдун.

– Достал он меня, – честно сознался Глеб. – Аж заглобило! Дай, думаю, и я над ним приколюсь. Говорю: «Шутик, шутик, поиграй и отдай...» А всё на месте, ничего не пропадало, прикинь...

– Та-ак... И что?

– Поворачиваюсь, смотрю: лежит на тумбочке сотик – месяц назад на проспекте спёрли... Я опять: «Шутик, шутик, поиграй и отдай!» Приносит цепочку – мне её однажды на Чумахлинке друзья утопить помогли. И началось... Вот не поверишь: что пацаном посеял – всё нашлось. Прямо в чуланчике!

– Я гляжу, богатый ты был пацан, – заметил наставник, кивнув на украсившие запястье Глеба дорогие наручные часы. – Неужто бабушка подарила?

Портнягин замялся.

– Вот насчёт «роллеса»... – удручённо молвил он. – Насчёт «роллеса», Ефрем, чепуха какая-то получается... Ну не было его у меня, не помню! Может, кто другой потерял?..

Первый отворот

*Трах-тарарах! Ты будешь знать,
Как с девочкой чужой гулять!..*

Александр Блок

От рождения Глеб Портнягин был ангельски незлобив. Однако упрямые надбровья и глубоко вырезанная переносица в сочетании с архитектурным завитком подбородка придавали ему вызывающий вид. Пришлось вырасти драчуном.

Помнится, старый колдун Ефрем Нехорошев, впервые увидев на проспекте юного проходимца, торгующего грубо вытесанными рукоятками астральных мечей, сразу подумал, что хорошо бы иметь такого на подхвате. Пусть даже в смысле магии он окажется бездарен – слабому полу нравятся надменные плечистые задиры. А женская клиентура, надо сказать, всю жизнь была зубной болью старого знахаря.

Ставши учеником чародея, Глеб Портнягин оправдал надежды полностью. Дамы в его присутствии замолкали и, какую бы глупость он ни сморозил, внимали с трепетом. Крайняя молодость кудесника не только не вызывала у них сомнений – напротив, завораживала, чему вдобавок сильно способствовала скупость мимики, усвоенная Глебом ещё в пору предварительного заключения.

– Прекрасить ауру? – со сдержанным недоумением спрашивал он. – Зачем?

– Под цвет глаз, – лепетала посетительница.

– Да она у вас и так под цвет глаз...

Из угла слышалось одобрительное побряхтыванье старого чародея. Сам бы Ефрем до такого ответа не додумался. В крайнем случае порекомендовал бы контактные линзы под цвет ауры.

Дама изумлённо распахивала глаза:

– Разве? А мне говорили...

– Кто? – всё так же равнодушно вопрошал Глеб.

– Ну... – Дама кокетливо поводила плечиком. – Один знакомый...

– Колдун?

– Не совсем... Народный целитель. Восточная стоматология.

– Фламенко, что ли? Который подзатыльниками зубы удаляет?

– Д-да...

– Ну, это и мы умеем... – со скукой ронял Глеб. – Короче, выделяется ваш знакомый. Классная аура! «Маренго». Последний писк. Чего ему не нравится?

Посетительница менялась в лице и, забыв об изначальной цели визита, переводила разговор на приворотные зелья.

Если же затруднение действительно требовало вмешательства специалиста, Ефрем Нехорошев вылезал из угла и принимался за дело сам, а ученик отступал за плечо наставника, где мог стоять часами, постигая азы ремесла.

– На душе тяжело, – слезливо жаловалась матрона лет сорока.

– А ты, матушка, когда последний раз взвешивалась? – с обычным своим грубоватым добродушием интересовался Ефрем.

– Каждое утро на весы становлюсь...

На морщинистом челе знахаря изображалась лёгкая досада.

– Да я не про тело... – ворчливо отзывался он и, не оборачиваясь, подавал знак ученику.

Вдвоём они усаживали посетительницу поудобнее, затем, погрузив в гипнотический сон, вынимали из неё справненькую стыдливо хихикающую душу и водружали на чашу безмена,

собранного из астральных сущностей церковной утвари и косой перекладины могильного креста.

– Что-то не так? – с тревогой спрашивала матрона, придя в себя после процедуры.

– Избыточный вес у тебя, матушка... – сокрушённо сообщал ей старый колдун. – Ну а как ты хотела? Душа должна быть тонкой, звонкой, прозрачной. Плоский живот и всё такое... На диету пора садиться... – И, видя испуг на обширном личике, предостерегающе вскидывал морщинистую длань. – Знаю, трудно! А куда денешься? Долг подружке верни, прелюбодеяния сократи в два раза, лжесвидетельствовать прекращай... Так-то вот!

– А кроме диеты? – скулила несчастная.

– Н-ну, можно ещё с утра духовную гимнастику попробовать. Скажем, врага своего попрощать... Поначалу разиков этак семь, не больше, а то, знаешь, с непривычки и душу надсадить недолго... Да я тебе все упражнения на бумажку выпишу...

Текст, конечно, можно было бы вывести и на принтере, однако имидж требовал написания вручную. Промурывив посетительницу ещё минут десять, Ефрем вручал ей нечто слегка напоминающее клочок пушкинского черновика, после чего вновь передавал бразды питомцу и удалялся на прямоугольный балкончик чуть просторнее посылочного ящика. На углу железных перил гнездились солнечные часы, древнее устройство, изготовленное безмянным волхвом незадолго до Крещения Руси. Врали они безбожно. Недовольно фыркнув, колдун ногтем переводил тень от стерженька на полделения и возвращался в комнату, где его ждала неизбежная разборка с Портнягиным.

– Ты меня чему учишь? – заходилась Глеб, спровадивший к тому времени клиентшу. – Колдовать? Или мозги тёлкам пудрить? Так это я и раньше мог! Что ж мне, всю жизнь на подхвате торчать?

«Въедливый... – дивился про себя Ефрем. – Того и гляди по уху смажет! Может, и впрямь из него что получится...»

Тем не менее доверить воспитаннику первую женскую судьбу он рискнул лишь к началу августа.

* * *

Она вошла без стука и столь стремительно, что Глеб едва успел ухватить за шкуру учёную хыку, алчно устремившуюся из подкроватных недр к незванной гостье.

– Ефрем Нехорошев... – задыхаясь, произнесла вошедшая. – ...здесь живёт?

Со стола запоздало упала вилка.

– Значит, так... – с гаденькой улыбкой изрёк старый колдун, переводя честные пуленепробиваемые глазёнки с посетительницы на ученика и обратно. – Нехорошев – это я, только женщины, матушка, того... не по моей части... Вот специалист, прошу любить и жаловать...

У Глеба стало холодно в животе, он разжал пальцы – и хыка, обиженно ворча, убралась восвояси. Нагнулся, подобрал вилку, положил на стол. Этого дня он ждал два долгих месяца.

– Нет, позвольте... – возмущённо начала гостья – и примолкла. Перед ней стоял рослый юноша с неподвижным суровым лицом и загадочно бесстрастными глазами. Это подкупало.

– А я пока пойду прогуляюсь... – тихонько примолвил Ефрем.

Гостья была сухощава, стремительна в движениях и тверда на ощупь. Во всяком случае, локоток, за который Глеб галантно её поддержал, помогая усесться в кресло, по прочности не уступал чугуну. Такое чувство, что Бог сотворил эту даму из ребра батареи парового отопления.

Закурила и принялась рассказывать, время от времени яростно выбрасывая дым из ноздрей. Она – предприниматель. Он – кобелина. Завёл кого-то на стороне. Известно даже, кого именно. Требуется отсушить, а когда приползёт обратно, она с ним, козлом, разведётся.

С задумчивым видом Глеб выслушал историю до конца, затем спросил имя, данное при крещении, и, подойдя к образу Миколы Угодника, затеплил свечу за здоровье рабы Божьей Домны. Убедившись в отсутствии копоти, треска и обильных восковых слёз, задул огонёк, вернулся к столу.

– Да, – молвил он. – Дело не в вас. Дело в нём.

– Дело в ней! – сверкнула глазами раба Божья Домна, с размаху гася окурок в пододвинутой пепельнице.

– Фотографии с вами?

– Да. На дискете.

– Ну давайте посмотрим...

На устаревшем громоздком мониторе, разумеется, почивал серо-белый Калиостро, в данный момент сильно смахивавший на лохматый свалывшийся треух. Впрочем, ничего удивительного: сон его был глубок, а в спокойном состоянии астральная сущность кота, как известно, имеет форму шапки.

Прогонять зверя не стали. Включили компьютер, просмотрели фотографии. Кобелина представлял собою нечто затюканное и одутловатое. В разлучнице же Глеб без особого удивления узнал Танюху Пенскую, чьё бескорыстное мужелюбие давно уже вошло на Лысой горе в поговорку. Если эта особа хотела морально уничтожить мужчину, то бросала ему в лицо, что он-де застёгнут на все пуговицы, – и, право, не стоило пояснять, о каких пуговицах речь.

– Понятно... – процедил Глеб. – Капнула месячной крови в вино и дала ему выпить...

Это был обычный Танюхин приём, за что ей не раз влетало от потерпевших, как только о проделке становилось известно.

Обнадёжив и проводив железную леди до порога, Глеб не в силах сдержать волнения вышел на балкончик. С болезненной гримасой потирая предплечье, ушибленное невзначай о жёсткий бюст гостыи, выглянул во двор. Вскоре из дверей подъезда показалась раба Божья Домна и, с доминошным стуком выставляя каблуки на асфальт, направилась к сверкающему, как антрацит, джипу. Отбыла.

Возвратясь к монитору, Глеб ещё раз вмотрелся в одутловатые черты несправедного мужа, затем в избытке чувств погладил по башке спящего Калиостро – и ласковая ладонь была немедленно исхлёстана кошачьими ушами.

* * *

Кончалась первая неделя августа. Илья Пророк уже совершил с особым цинизмом свой антиобщественный поступок, и вода в озёрах заметно похолодела. Продравшись сквозь заросли богохульника, Глеб разулся, подсучил штанины повыше и, зайдя в пруд по колено, приступил к сбору свежих ингредиентов.

Вчерашняя попытка отвадить кобелину от Танюхи обернулась очередным пролётом. Хлопнув в ресторане «Мёртвый якорь» стопку водки с отворотным зельем (спасибо Алке Зельцер, работавшей там официанткой!), негодяй двинулся отнюдь не домой, но опять-таки к известной особе, у которой и заночевал. Одно из двух: либо сваренное Портнягиным пойло отличалось замедленным действием, либо усохший и сморщенный корешок, извлечённый из холодильника, успел утратить отталкивающие свойства. Как хотите, а слова остудного заговора («...как кошка с собакой, как хохлы с москалями...») Глеб перепутать не мог!

Неделю назад он начал с того, что попробовал вправить мозги изменщику, воздействуя на него через фотографию. Молодым людям вообще свойственно переоценивать свои возможности. Естественно, успеха попытка не возымела, поскольку требовала куда более высокой квалификации.

Ничуть не обескураженный первой неудачей, Глеб решил перейти к средствам попроще и понадёжнее: нашептал на медвежье сало, которым раба Божья Домна следующей ночью тайно смазала преступный орган неверного супруга – и вновь безрезультатно.

После такого облома акции Глеба Портнягина заметно упали. Железная леди стала поглядывать на него несколько вопросительно, а Ефрем – с откровенной ехидцей. Не иначе ждал, что вот-вот запаникует ученичок, кинется к наставнику за советом, а то и за помощью. Ну, жди-жди...

Портнягин выбрался на осклизлый отлогий берег и призадумался. В отличие от артистов цирка, повторяющих на публике один и тот же трюк, пока не получится, он исповедовал прямо противоположный принцип: в случае провала немедленно пробовать что-либо другое. Беда, однако, заключалась в том, что колдовской его арсенал был пока ещё крайне скуден. Хотя... Если не удалось отворожить кобелину от Танюхи, почему бы не попытаться приворожить его к Божьей рабе Домне? Тоже ведь вариант...

Портнягин бросил пластиковый пакет с водяной растительностью под вербу и, наскоро вытерев ступни, принялся обуваться.

* * *

– Ну и как оно? – полюбопытствовал старый колдун Ефрем Нехорошев, зайдя в дверном проёме озабоченную физию Глеба.

– Всё по плану, – заверил ученик, выхватывая из шкафчика крохотный пузырёк тёмного стекла и вновь устремляясь к выходу.

Подопечного своего он обнаружил за столиком летнего кафе, где тот собирался побаловаться пивком. Задуманное было выполнено дерзко и молниеносно: на пару секунд отведя жертве глаза, Глеб мимоходом выплеснул содержимое склянки в высокий пластиковый стакан. Подопытный мотнул плечью, стряхивая внезапную одурь, и, проморгавшись, поднёс одноразовую посудину к губам. Глоток... второй... третий... Затем поперхнулся, вскочил и ринулся к стойке – выяснять, что за отраву ему налили.

Пока скандалист препирался с барменом, возле столика возник местный алкаш с землистым, раскромсанным морщинами рылом и, не кочевряжась, проглотил остаток осквернённого пива.

Дальнейшее достойно удивления. Судя по всему, зелье на кобелину, как и в прошлый раз, ни малейшего воздействия не оказало. Зато причастившийся пойла бомж спустя полчаса уже шастал вокруг особняка железной леди, хрипло исполняя некое подобие серенады, и даже начертал на воротах пронзённое сердце, за что был нещадно травлен бультерьером.

Что предположить? Или раба Божья Домна достала супруга до такой степени, что его теперь не проймёшь ничем, или кобелина умнее, чем кажется, и заранее принял меры. Скажем, опоясался лыком по голому телу. Ещё, говорят, против колдовских штучек хорошо помогают крапива, плакун и радиоактивная трава чернобыльник. Но лыко надёжнее.

Самое печальное, что в запасе у Портнягина оставалось одно-единственное чародейство, вдобавок не имеющее прямого отношения к вопросам любви и верности, а именно – заклясть порог.

Глеб поймал такси и велел ехать на Лысую гору.

* * *

Фонари во дворе, как водится, не горели. Бледная, в синяках, луна бессмысленно паялась на плотные кусты по обе стороны Танюхиного подъезда и на исковерканные конструкции, бывшие когда-то детской игровой площадкой.

Конечно, Глебу Портнягину без крайней нужды не стоило бы появляться после захода солнца в этом районе, однако в том-то и дело, что нужда давно уже стала крайней. Бог с ней с гордостью – на кону стояла карьера колдуна в целом.

Три ступеньки плоского порожка Глеб постарался заклисть как положено. Ловушка представляла собой род энергетического капкана: ступившему в неё грозил мгновенный пробой позитива на землю – и, как следствие, необоримый страх. Разум отказывался вообразить придура, который, вляпавшись однажды в подобную жуть, рискнёт это повторить!

Время от времени из лунного полумрака к подъезду устремлялась серая тень – и обязательно вздрагивала, коснувшись подошвой первой ступени. Капкан был именной, настроенный на конкретного человека, и тем не менее отрицаловкой от него шибало крепко. Недаром же подвыпившие подростки перекочевали сегодня всей тусовкой в противоположный конец двора!

К половине двенадцатого показался конкретный человек. Шёл, подлец, и, насколько можно было судить, улыбался. Не дойдя до подъезда пяти шагов, внезапно прикипел к асфальту, и на одутловатых чертах обозначилась тревога. Почуял, значит. Поколебавшись с минуту, опасливо подобрался поближе. Занёс ногу – и снова опустил. Неужто догадается обойти?

Есть! Наступил! Приглушённый вопль – и гуляку отбросило от крыльца. Сейчас победит... Нет. Вернулся и... Глеб глазам своим не поверил: с обезумевшим лицом, подскуливая от ужаса, кобелина тем не менее одолевала уже третью ступеньку. То ли Танюхины чары оказались сильнее, то ли впрямь лыком опоясался...

Одолеет. И тогда из непроглядной черноты подъезда навстречу ему шагнул огромный Портнягин. Он был страшен.

– Падла!.. – широко, по-львиному разевая пасть, неистово исторг он. – Да я ж тебя сейчас... в гроб! в рог! в Святую Троицу!.. Ещё раз встречу у Танюхиного дома...

Ах, как удирал кобелина! Как он, пакостник, улепётывал! Несмотря на многочисленные синяки, кривая луна светила достаточно ярко, давая Глебу полную возможность насладиться отрядным зрелищем.

– Ноги вырву!.. – кровожадно досылал он вослед. – Спички вставлю!.. Глаз натяну!..

Выдохся. Умолк. И в тот же самый миг мягкие женские руки обняли его сзади за шею. Портнягин похолодел.

– Глебушка... – услышал он хриловатый вкрадчивый голос Танюхи Пенской. – Глупенький... Ревнивый... Да у меня же с ним ничего и не было...

Глеб вырвался – и побежал.

Ответное чувство

Любимая! Меня вы не любили.
Сергей Есенин

– Значит, жизненные, говоришь, неурядицы, – скроив то ли сочувственную, то ли скептическую гримасу, молвил старый колдун Ефрем Нехорошев. – А у кого их, мил человек, нету?

– Но не до такой же степени! – возрыдал клиент. – Погубит она меня, живьём съест! Уже, можно сказать, погубила...

В глазах его стоял ужас. Во весь рост.

Ученик чародея Глеб Портнягин (он сидел за столом и мастерил куколку из воска) прервал на миг творческий процесс и окинул гостя оценивающим взглядом искоса. Опять страдалец. Явно жертвенная натура. В каждом движении – мольба, надлом, немой упрек. Вдобавок внешность самая смехотворная: крысиная мордочка, стёсанный подбородочек, усики щетинкой. Такого – да чтоб не погубить?

Глеб усмехнулся и, взглянув на календарик, решительно изваял и прилепил к восковому тулову детородный орган. Как известно, для изготовления мужских фигурок наиболее благоприятные дни – понедельник и четверг, для женских – среда и пятница. Пару дней назад к Ефрему Нехорошеву обратилась за помощью молодая супружеская пара, причём порознь, не сговариваясь, и каждый умолял, чтобы дражайшая половина как-нибудь случайно не пронюхала об этом его (её) визите. Причина обычная: блудливы были оба, как Соломон, и ревнивы, как Иегова.

Ефрем посоветовал самое простое: вшить в трусы партнёра волосок (можно даже без заговора), ну и, понятное дело, помочиться через обручальное кольцо. Ни то, ни другое не сработало. Прибегнуть же к такому сильному средству, как «завязка», молодожёны не рискнули, честно предупреждённые о том, что данный вид порчи в большинстве случаев ведёт к импотенции у мужчин и фригидности у женщин.

Оставалось одно: изготовить так называемый вольт.

Ни муж, ни жена художественными способностями не обладали, поэтому лепкой пришлось заняться Глебу. Поскольку выпала эта радость на понедельник, куколку он, естественно, ваял мужскую. Потом обманутой супруге предстояло впечатать в воск обрезки ногтей и волос любимого человека, окунуть фигурку в воду с капелькой собственной крови, наречь при зажжённых свечах именем изменника, завернуть заготовку в тёмную натуральную ткань – и, выждав сутки, завязать на восковых гениталиях свой волосок со словами: «Со мною стой, а с чужой лежмя лежи!»

Что касается куколок женского пола, то, как с ними поступать в таких случаях, Портнягин не представлял, но надеялся услышать об этом послезавтра, когда Ефрем будет с пояснениями вручать молодому рогоносцу восковое изделие номер два.

А пока он трудился праксителем (почему-то Глеб был уверен, что это не имя, а профессия), старый колдун неспешно разбирался с очередным клиентом.

– И как же это она тебя, Митрич, погубила? – без особого интереса выспрашивал он.

– Известно, как, – с тоской отвечал крысopodobный Митрич. – Разорила вчистую, вот-вот квартиру отберёт...

– Стерва... – одобрительно заметил колдун.

– Не то слово! – округляя глаза, шёпотом подхватил клиент.

– Другую себе найти не пробовал?

Бедняга вздрогнул и, ощерившись по-сусячьи, оглянулся на распахнутую в прихожую дверь. Сильно, видать, был замордован совместной жизнью.

– Да вы что? – испуганно сказал он. – Тут же перед людьми опозорит! А то и посадит... Были уже случаи, были!

– А-а... – сообразил кудесник. – Так ты у неё, выходит, ещё и не первый?

Митрич устался, заморгал.

– Н-ну... д-да... А как же! Конечно...

Колдун покряхтел, поскрёб ногтями впалый старческий висок, покосился на ученика.

– Чует моё сердце, Глебушка, – с прискорбием известил он, – лепить тебе третью куколку... – Снова повернулся к страдальцу. – Сам-то её любишь? Или одна только злоба осталась?

На крысиной мордочке отразилось отчаяние. Плечи просителя бессильно опали.

– В том-то и дело, что люблю, – со слезой признался он. – До сих пор. Несмотря ни на что... Я ж её, суку, защищал! Умереть был за неё готов! Да и сейчас тоже... Всю жизнь ей отдал!

– Даже так? – мрачняя, пробормотал Ефрем.

– Не знает уже, как меня ещё унижить, – взхлёб продолжал жаловаться Митрич. – Снюхалась с какими-то... прости Господи, мерзавцами... жуликами, карьеристами...

– Стало быть, выгоду имеет, – вздохнул колдун.

– Да нет там никакой выгоды! – взвыл клиент. – Обирают они её, дурёху, обирают! А случись что-нибудь, не дай Бог, за грош ведь продадут! За медный грошик... Но даже не в этом дело! Всё бы простил! Равнодушие меня убивает, равнодушие её...

– Короче! – прервал колдун начинающуюся истерику. – Что надо? Приворожить?

– Да! – истово выдохнул несчастный, уставив на Ефрема исполненные надежды глаза. – Неужели получится?

– Ну а почему ж нет? – невозмутимо отозвался старый чародей. – Фотографию принёс?

– Вот... – На Божий свет из внутреннего кармана явился незапечатанный конверт.

– А зовут как?

Почему-то этот вполне естественный вопрос привёл Митрича в замешательство.

– Т-то есть... что значит...

– Ну, кого присушивать будем?

– А я разве не сказал?

– Нет. С самого начала твердишь: она, она... А кто она?

– Родина... – с запинкой выговорил тот.

Колдун поморщился.

– Фамилия мне не нужна. Имя давай.

Клиент растерялся окончательно.

– Ну так... Какое тут имя? Отчизна...

Несколько мгновений старый чародей недоверчиво смотрел на сконфуженного часто помаргивающего гостя. Потом молча забрал у него конверт, извлёк фотографию. Снимок был несомненно взят из Интернета, распечатан на принтере, а сделан со спутника.

– Так... – приходя в себя, проговорил Ефрем Нехорошев. – По лестнице сам спустишься или Глеба попросить, чтоб помог?

* * *

По лестнице клиент предпочёл спуститься сам.

– По-моему, псих, – искренне поделился Глеб. – Во даёт! Отчизну ему приворожи...

Колдун был хмур и задумчив. Не стоило, конечно, вот так напрямую выдворять клиента – примета плохая.

– Мало ли извращенцев... – проворчал он. – Есенина взять. Тоже ведь: «Я люблю Родину! Я очень люблю Родину...» Хотя этот-то на всё кидался: что шевелится, что не шевелится. Деревя стоячего не пропускал. «Так и хочется к сердцу прижать обнажённые груди берёз...»

– Ну... к сердцу же... – вступился за любимого поэта отбывавший срок Портнягин.

– А дальше-то? – огрызнулся колдун. – «Так и хочется руки сомкнуть над древесными бёдрами ив...» Это уж не к сердцу, это к чему другому. Ежели по науке: дендрофил, выходит...

Раз и навсегда нацепив личину полуграмотной запойной деревенщины, Ефрем Нехорошев тем не менее подчас забывался и заставлял собеседника врасплох неслыханным заморским словом. А Глебу, между прочим, за малейшую иностранщину чертей выписывал.

– Слышь... – решился он наконец. – Ты этого болезного поди всё-таки верни. Куколку потом долепишь. А то нехорошо выгонять-то...

Портнягин выглянул в окно. Узкая понурая спина обманутого Родиной клиента обнаружилась почти у самой арки. Ученик чародея легко вскочил на хлипкий подоконник и, отворив форточку, гаркнул.

– Идёт, – сообщил он пару секунд спустя, с той же лёгкостью спрыгивая на пол.

Можно было, конечно, сколдовать «зазыв», то есть упереться раскинутыми руками в косяки входной двери и пробормотать простенький приманивающий заговор, но, во-первых, срабатывает это не сразу, во-вторых, далеко не всегда получается.

– А что? – с весёлым вызовом сказал юноша. – Возьми да приворожи! Глядишь, Президентом станет...

– Нашим? – язвительно переспросил ядовитый старикашка. – Не уверен. Шут его знает, что у него там за страна сфотографирована и откуда он родом вообще! Больно морда не здешняя. Присушишь к нему ненароком какой-нибудь Израиль... или Татарстан... Отвечай потом... на международном уровне!

– А! Так, значит, присушить всё-таки можно?

– Ох, не ведаю, Глебушка, не пробовал. Политики не люблю. С ней ведь, с политикой, только свяжись... не развяжешься...

– Да-а... – покручивая головой, протянул Портнягин. – А я, главное, слушаю – удивляюсь: где это он такую бабу позорную откопал? А он – вон чего...

В прихожей нежно заныла с опаской приотворяемая входная дверь, и слегка задыхающийся голос вернувшегося Митрича (лестницу он, надо полагать, одолевал бегом) спросил не без робости:

– Можно?

– Проходи, садись... – насунив кудлатые брови, отрывисто велел колдун. И, выждав, пока патриот-рогоносец примет в облезлом гостевом кресле исполненную почтения позу, прямо приступил к делу: – Может, не будем державу трогать, а? Тебе чего по жизни-то надо? Деньжонок там, льготишку какую-никакую... чтобы квартиру за долги не отобрали... Что ещё?

– Н-ничего...

Чародей бросил сердитый взгляд на откровенно скалящегося Глеба – и тот счёл за лучшее снова убраться за стол, где взял уже готовую куколку и, осмотрев для виду, решил, что и так сойдёт.

– Ну давай я тебе амулетишко на удачу вырежу, – чуть ли не заискивающе предложил гостю Ефрем.

Тот усомнился, оступил лицом:

– Э-э... талисман?

– Нет. Талисман – это так, пустышка. Носишь его при себе и веришь, будто помогает. А вот амулет – это, брат, штука серьёзная, умственная... Его ещё не всякий мастер изготовит. Амулет тебе и удары судьбы смягчит, и от злых людей обережёт...

Митрич колебался. Глядя со стороны, можно было подумать, что ему предлагают уступить право первородства за чечевичную похлёбку. Затем крысиное личико отвердело, преобразилось, стало едва ли не вдохновенным. С такими лицами восходят на эшафот. Во имя идеи.

– Нет! – выдохнул он, преодолев соблазн до конца. – Дело принципа, понимаете? Тут же не в личной удаче вопрос... Это моя держава! Я её люблю! Бескорыстно, учтите! Но почему безответно? Должна же быть какая-то справедливость...

Ефрем Нехорошев зарычал, вскочил с табурета и, запахнув халат, заходил из угла в угол, провожаемый боязливым взглядом клиента.

– Эх!.. – с досадой вскричал колдун, резко поворачиваясь к креслу. – Голова твоя два уха! Любит он бескорыстно! Потому вы так, дурики, и зовётесь: лю-би-те-ли! Ты в котором веке живёшь? В двадцатом или в двадцать первом? Сейчас век профессионалов! Во всём! От веры до патриотизма... Знаешь хоть, чем профессионал от дилетанта отличается? Нет? Да тем, что ничего бесплатно не делает! Уразумел?..

Митрич пришибленно молчал и только вжимался спиной в засаленную обивку кресла, почему-то подбирая при этом ноги. Старый колдун Ефрем Нехорошев во гневе был страшен.

– Тебе сколько лет? – гремел он. – Молчи! Сам вижу, что сорок два! Так если ты сорок два года за Родиной ухаживал, а уломать не смог, какая тебе тут присушка поможет?..

– Н-ну... с женщинами-то... говорят, помогает... – отважился перетрусивший до дрожи проситель.

– Сравнил! С женщинами!.. – Чародей приостановился, поостыл. – Да по правде сказать, и с женщинами раз на раз не приходится... – удручённо признался он. – Ты пойми: с помощью приворота настоящей большой любви не добьёшься. Ну, вызовешь половое влечение, ну... Брось ты это дело, Митрич! Давай амулет вырежу, а? Удача улыбнётся, денежки водиться будут...

– Нет, – поёжившись, выговорил упрямец.

– Ну ты ж смотри! – всплеснул обтёрханными рукавами Ефрем. – И откуда вас таких упёртых берут? Так и тянет под статью, так и тянет... Это ж чёрные технологии – то, что ты хочешь! – Сел на табурет, перевёл дух, подумал. – Так, короче, – угрюмо приговорил он. – Фотографий ты мне не показывал, имён не называл. Называл он какие-нибудь имена? – повернулся колдун к ученику.

Глеб Портнягин молча помотал головой.

– И вообще мы с тобой не встречались, – осипшим голосом попытожил Ефрем. – Не был ты у меня и даже не знаешь, в какую здесь сторону дверь открывается...

– Почему? – не понял Митрич.

– Потому что молва пойдёт! Поди разбери, что с тобой после этого приворота стрясётся... Хорошо, если не сработает! А ну как в откат сыграет – что тогда? А? Тогда, мил человек, всё колдовство на твою же задницу и воротится! А кто присоветовал? Ефрем Нехорошев присоветовал... Короче, я тебя предупредил, а дальше живи как знаешь. Заговор на присушку – дам. Про ритуал – расскажу. А уж как ты там из воска будешь страну лепить и на каком ей месте волос навязывать – дело твоё!

* * *

О том, что Митрича отдали под суд, Ефрем и Глеб узнали из газет неделю спустя. Само по себе уклонение от коммунальных платежей, пусть даже и злостное, вряд ли привлекло бы внимание прессы, но, оказывая сопротивление властям, выселяемый, как сообщалось в заметке, укусил пристава – и, видно, хорошо укусил, раз того пришлось госпитализировать.

– Доигрался хрен с бритвой... – угрюмо прокомментировал прочитанное старый чародей. – Допривораживался...

- Может, совпадение? – усомнился ученик. – Его ж так и так выселять собирались...
- Совпадений не бывает, – буркнул колдун.

Расположение духа у обоих было подавленное. Вроде бы и винить себя не за что, а всё равно скверная история. Скверная. Да и погодишка за окном собиралась под стать настроению: серенькая, слякотная. Впрочем, согласно симпатической магии, вполне могло случиться и так, что настроение передалось погоде.

– Что-то я никак не въеду, – с недоумением сказал Глеб. – Почему под суд? Откат, что ли, вышел?

- Хорошо, коль откат... – недобро усмехнулся колдун.
- А что ещё? – опешил ученик.

Ответить Ефрем не успел. Энергетика в помещении дрогнула, помутилась, затем некто бесноватый рванул входную дверь – и в тесную захламлённую комнатку, всхлипывая, ворвалась особа юных лет. Присмотревшись, учитель и ученик узнали в ней прекрасную половину той самой супружеской четы, для которой Глеб неделю назад слепил на предмет приворота пару восковых куколок.

Видимо, ворвавшейся стоило больших трудов не разрыдаться раньше времени, не расплескать отчаяние зря. Едва добежала. Упала в кресло и дала наконец волю слезам, благо водостойкая косметика позволяла такую роскошь.

- И кто же это нас так обидел? – полюбопытствовал старый колдун.

Портнягин прикинул, какое примерно время потребуется Ефрему для приведения гостьи в чувство, и ушёл на кухню мыть посуду. Расчёт оказался верным. К его возвращению слёзы успели иссякнуть – и потерпевшая взалёб рассказывала об очередной проделке своего, как она выражалась, урода комнатного, накрытого ею в момент измены орального характера.

– Значит, что-то ты, матушка, с обрядом напутала, – сокрушённо молвил Ефрем. – Ну-ка, давай по порядку... Крови в воду капнула?

- Да-а...
- Имя на груди куколки ножом чертила?
- Да-а... Во-от...

В доказательство из сумочки был выхвачен и развёрнут кусок тёмной натуральной ткани. Действительно, торс восковой фигурки украшала глубоко вырезанная надпись: «Гарик».

- А свечей сколько зажгла?

– Пя-ать...

Колдун задумался.

- А повтори-ка, что говорила, когда волос завязывала!

Гостья наморщила лобик и слегка гнусавым от слёз голосом сбивчиво произнесла магическую фразу.

– Дурында ты, прости Господи, – отечески ласково упрекнул её Ефрем. – Язык у тебя, что ли, с подбоем? Чётко надо слова выговаривать. «Лежмя лежи», а не «лижмя лижи». Колданула, называется, на свою голову!

После этих роковых слов молодая особа сама обратилась в подобие восковой фигуры.

- Ой, а как же теперь... – пролепетала она.
- Переколдовывать будем, – развёл руками старый чародей.

* * *

Обговорив условия, гостью отпустили восвояси. Свёрточек из тёмной натуральной ткани отправился в нижний выдвижной ящик комода. Глеб поставил на спиртовку жестяную миску, бросил в неё три свечи – материал для новой куколки – и повернулся к Ефрему.

- Ну ясно, – всё понял он. – Тоже, наверно, оговорился... когда привораживал.

Старый колдун пронзительно взглянул на ученика из-под косматой брови.

– Ты про Митрича?

– Ну да...

– Складно у тебя выходит, – жёлчно позавидовал Ефрем. – Не откат, так оговорка... Нет, Глебушка! С Митричем сложнее. Хотя, с другой стороны, может, и проще. Думается мне: за что боролся, на то и напоролся. Я ж его предупреждал, я ж ему говорил: приворотом любви не добьёшься. А добьёшься только полового влечения...

– Ну!

– Ну вот и поимела...

– Так она ж женского рода!

– А это, смотря, какие он слова в заговоре употребил, – тонко заметил старикан. – Родина-то, по Фрейду, вагинальная символика, а Отечество-то – фаллическая...

Двадцать пятая

Когда цензор одну половину фразы вымарывал, а в остальную половину, в видах округления, вставлял: «О ты, пространством бесконечный!» – даже и в то время я понимал. Отсеку, бывало, одно слово, другое от себя прибавлю – и понимаю.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Астральные течения существуют повсюду. В сельской местности и на газонах их направление легко проследить по протоптанным в траве стёжкам. Зрелище народного гулянья, отснятое на видеокамеру с вертолѐта, позволяет запечатлеть процесс в движении. В городах астральные потоки обычно устремляются параллельно электрическим проводам, иногда лишь перекидываясь с одной стороны улицы на другую и побуждая пешехода перейти проезжую часть в неположенном месте. Сотрудники милиции прекрасно знают расположение таких аномалий и пасут нарушителей именно там.

Человек, спешащий по делам, подобен океанскому лайнеру – с тупым упорством следует он заданным курсом, почти не подвергаясь боковому сносу, разве что притрѐт его разок в толкучке к стене дома или, напротив, выжмет на ту же проезжую часть. А вот человек, вышедший на прогулку, скорее уподобляется дрейфующему айсбергу – плывѐт себе, влекомый незримыми струями, пока в него не впишется сдуру какой-нибудь спешащий по делам «Титаник».

Астраловорот, издавна сложившийся вокруг памятника жертвам инквизиции, обычно подхватывал гуляющего и, помотав его по площади, либо утыкал физией в стеклянную дверь кафе «Старый барабашка», либо проносил мимо – прямым в ворота сквера, где течение утрачивало силу и прогуливаемому ничего больше не оставалось, как, малость поколебавшись, плавно осесть на одну из садовых скамеек.

Примерно в такой ситуации оказалась юная женщина с несчастным личиком, приостановившаяся посреди промытого ночным дождѐм сквера. Асфальт был влажен, листва дышала свежестью, но лавки, судя по тому, что везде уже кто-нибудь да сидел, успели просохнуть. Залѐтный ветерок (физический, не астральный) тронул мелкие прозрачные лужицы – и по лбу молодой особы тоже пробежала лёгкая рябь морщинок.

Затем бровки прищелицы слегка вздѐрнулись – очевидно, узнала в одном из отдыхающих своего знакомого. На ближней к ней скамье сидел, откинувшись, рослый молодой человек – то ли сильно призадумавшийся, то ли хвативший какой-то дряни: глаза у юноши были студенистые, незрячие, хотя ушных затычек с проводками, обычно сопутствующих такому состоянию, не наблюдалось.

– Глеб? – неуверенно окликнула молодая особа.

Несколько мгновений сидящий продолжал пребывать в неподвижности, затем глаза его разом утратили стеклянный блеск, осмыслились, навелись на резкость.

– А! Олька! – обрадовался он. – Присаживайся. Будь как дома.

– С тобой всё в порядке?

– Не обращай внимания, – успокоил юноша. – Так... Чуток потренировался в астрал выходить...

– Ах, да, – припоминая, медленно проговорила она. – Ты же, говорят, теперь ученик колдуна... – Подумала и опустила на скамью рядом с тем, кого звали Глебом.

– И не просто колдуна, – многозначительно добавил тот. – А самого Ефрема Нехорошева.

– Серьёзно? – Она задумалась на секунду. – Надо было мне сразу к вам обратиться...

– Случилось что-нибудь?

Ответила Ольга не сразу. По лбу её, вновь совпав с порывом ветерка, пробежала тревожная рябь морщинок.

– Игорька моего отсушили, – призналась она. – Охладел, на сторону смотрит...

Лицо её собеседника стало суровым. Любовь у Игорька с Олей длилась с восьмого класса, и посягнувший на их союз посягал тем самым на школьные воспоминания Глеба.

– А к кому обращалась?

Ольга назвала фамилию специалиста. Фамилия была, конечно же, известна ученику чародея. Не столь громкая, как у Ефрема Нехорошева, но всё равно владелец её заслуживал уважения: профессионал, не шушера какая-нибудь с проспекта.

– И что сказал?

Пожала плечиком:

– Сказал, что никакой отсушки не было. Всё, видно, само собой вышло...

– Так не бывает, – убеждённо возразил Глеб. – Под порогом смотрели? – Не дожидаясь ответа, достал из нагрудного кармана крохотный пластиковый пакетик с необычайно длинной иглой внутри и предъявил его бывшей однокласснице. – Тоже до развода дело доходило, – сообщил он. – А позавчера, видишь, что у них в тряпке нашёл?

Ольга безрадостно осмотрела пакетик с иглой, оказавшейся, впрочем, двумя иглами, примотанными одна к другой посредством ниточки.

– Нет, – сказала она. – Под порогом у нас всё чисто...

– Почтовый ящик проверяла?

– Н-нет... А разве?..

– Это в прошлом веке в основном под порог подкидывали! – сумрачно поведал Глеб. – Сейчас больше в ящики суют. Халявные календарики, газеты, предвыборные плакатики всякие, пепел, шприцы – и всё, учти, заговорённое... На прошлой неделе одному с Божемойки бумажку подложили. В виде бланка с печатью. Так пацан под суд загремел... Компьютер есть?

– А как же!

– Имей в виду: через спам тоже порча лезет... Ты, как какую рекламку по электронной почте получишь, сразу смотри: удваиваются в первых строчках буквы или не удваиваются. Если удваиваются – убивай, не читая...

– Молодые люди! – вмешался в их беседу чей-то неестественно жизнерадостный голос. – Вы уже определились, за кого будете голосовать?

Взглянули. Перед скамьёй, лучась щербатой улыбкой, переминался мужичок бомжеватого вида с кипой ярких глянцевых листовок политического характера, от которых так и разило негативной энергетикой. Ученик чародея нахмурился и, создав большую шарообразную мыслеформу: «Ползи отсюда! Видишь, разговариваем?», – послал ее бестактному разносчику порчи.

– Понял, – озадаченно произнёс тот и, обратив улыбку к следующей скамейке, двинулся охмурять другую жертву.

– А сама что думаешь? – продолжал допытываться Глеб.

– Вот, – сказала несчастная Оля, извлекая из сумочки книгу с вооружённым мужчиной на обложке. – Ты же знаешь, он всегда про шпионов читать любил. Как подарили ему на день рождения этот шестнадцатитомник, так всё у нас и разладилось...

– Кто подарил?

– Машка! Почему я и заподозрила...

Глеб осторожно принял в руки полиграфическое изделие, оглядел корешок, обрез, прочёл имя автора, заголовок. Роман Романов. «Приказано долго жить».

– Колдун смотрел?

– Смотрел... Говорит, книга – как книга.

Глеб и сам уже видел, что книга – как книга. Не в пример листовкам, отрицательной энергетики маловато.

– Он её даже как-то там по вьетнамскому гороскопу проверял... – робко добавила Оля. Ученик чародея презрительно скривил рот.

– Вьетнамцы! – выговорил он. – Кота от кролика отличить не могут, а туда же, гороскопы составляют... – Взвесил книгу в руке, задумчиво двинул бровью. – Ты мне её не дашь – Ефрему показать?

– Господи! Да конечно же!

– А если я её... это... распотрошу немножко?

– Да хоть совсем сожги! Лишь бы толк был...

* * *

Вернувшись с прогулки, старый колдун Ефрем Нехорошев застал ученика за несколько необычным занятием: склонясь над освобождённым от всего лишнего столом, Глеб Портнягин завершал ликвидацию книги Романа Романова «Приказано долго жить» как единого целого. В данный момент он водил магнитом над разъятым на слои корешком, пытаясь обнаружить заговорённую иголку.

Пользуясь таким случаем, серо-белый кот Калиостро оккупировал монитор, где, расположившись со всеми удобствами, приводил себя в порядок: астральная его сущность сосредоточенно выкусывала флюиды – физическая слепо копировала движения астральной.

– Смежную специальность осваиваешь? – осведомился со смешком колдун. – В переплётчики податься решил?

Кот вскинул голову, но, сообразив, что обращаются не к нему, фыркнул и вернулся к прерванному занятию.

– Да вот, – с досадой бросил Глеб, откладывая магнит, – второй час бьюсь – нигде ничего...

Заинтересовавшись, старый чародей приблизился к столу, взял двойной книжный листок, повертел, хмыкнул.

– Ну правильно. Нигде ничего... А что должно быть?

– Подружку встретил, – хмуро пояснил Глеб. – Мужа у неё через эту книжку отворожили. Получил шестнадцать томов в подарок – ну и...

– А-а... – Колдун поднёс лист поближе, всмотрелся попристальней. Изучал долго. – Подружку Олей зовут? – внезапно спросил он.

– Да...

– А разлучницу – Машей?

– Откуда знаешь?

Сухие старческие губы сложились в довольную полуулыбку.

– Прямого колдовства здесь нету... – известил Ефрем. – А без чёрных технологий не обошлось. На, прочти...

– Где?

– Всю страницу. С начала до конца.

Глеб пробежал глазами текст. Нормальный триллер. Пять выстрелов. Два трупа.

– И что?

– Ещё раз читай! – осерчал колдун. – Только внимательней, слышь?

Глеб прочёл ещё раз. Пять выстрелов. Два трупа.

– Да что ж вы за народ такой? – начал уже закипать Ефрем. – Давай тогда вслух!

Глеб пожал плечами и стал читать вслух. Если старый колдун выходил из себя, лучше ему было не перечить. На мониторе занервничал серо-белый Калиостро, очень не любивший, когда люди начинают говорить чужими голосами.

– «Услышав шорох, – заунывно оглашал ученик чародея, – Сникерс молниеносно повернулся на триста шестьдесят градусов и вскинул оружие...»

Осёкся. Заморгал.

– Ну! – нетерпеливо прикрикнул Ефрем.

– «Брось свою Ольку, – не веря, с запинкой прочёл Глеб. – Уйди к Маше...» Что это?

– Двадцать пятая строка... – угрюмо сообщил кудесник. – Страшная штука. Вроде двадцать пятого кадра, только хуже, опаснее. В некоторых странах даже закон против неё приняли. В электронном виде эту пакость ещё как-то, говорят, вылавливают, а уж в бумажном – и пробовать бесполезно... Сколько, говоришь, ему томов подарили?

– Шестнадцать...

– Все шестнадцать – в огонь!

– погоди! – опомнился Глеб. – А сам-то ты как её углядел? Эту двадцать пятую строку! Старый чародей хмыкнул, приосанился.

– Думаешь, колдовство? – самодовольно переспросил он. – Экстрасенсорика всякая?.. Нет, Глебушка, нет. Просто в мои времена принято было всё подряд читать. Это теперь книжки не жуя глотают, да ещё и на курсы скорочтения записываются, а мы-то по старинке – каждую строчку, каждое слово. Так-то вот...

– Каждое слово?! – Портнягин ужаснулся. – Как в школе на уроке?

– Во-во...

– Замучишься же!

– Ну вот тем не менее... – Кудесник усмехнулся снисходительно и снова стал серьёзен. – Это что! Рассказывали мне: дескать, когда-то давным-давно при советской власти люди между строк читать умели!

– Как это? – обомлел Глеб.

– Сам не знаю, Глебушка, сам не знаю... Не иначе в ментальные слои проникать могли. Физически слова в строчке нет, а ментально – присутствует. Такие, говорят, чудеса творили! Положат перед человеком чистую страницу – так он, представляешь, сам всё за автора возьмёт и домыслит...

Проклятьем заклеимённый

*Тени убитых являются,
Целая рать – не сочтёшь.*

Николай Некрасов

Лето кончалось великой сушью. Пойма Чумахлинки жаждуще глядела в безоблачное небо глубоко запавшими озерами. По обмелевшему ерику шлёпала днищем допотопная «казанка», толкаемая столь же допотопным подвесным «вихрем». В отличие от какого-нибудь там, скажем, сияющего белизной гидроцикла, обшарпанная дюралька цвета тины вполне естественно вписывалась в окружающую природу и казалась близкой роднёр серому от пыли татарнику и мохноногим ивам. Мохноногость их была отнюдь не видовым отличием, а скорее плодом излишней доверчивости: во время разлива стволы оказались целиком под водой и на радостях выбросили путаницу нитевидных корешков – теперь высохшую и омертвевшую.

Местные дачники сваливали в протоку что попало: от проржавевшей сетки-рабицы до битого кирпича и стеклотары. Обитающий в двигателе моторыжка (нечисть бывалая, многое повидавшая) поначалу сильно беспокоился за вертикальный вал. В то время как во всём цивилизованном мире эта деталь традиционно представляет собой стержень круглого сечения, в «вихре» она, по строгим законам безумия, склёпана из двух стальных полос. Скрутить её в сверло, ударив гребным винтом о неровности дна, – раз плюнуть. Будь на месте моторыжки заморский греmlin, он давно бы уже принял меры, учинив тревожный стук изнутри или что-нибудь ещё в том же духе. Однако в «вихре» никакой греmlin не выживет. Судите сами: непомерно огромный выхлопной патрубок свисает неприличнейшим образом, вода в редуктор проникает с лёгкостью, при откидывании мотора топливо вечно проливается в поддон. А перегрев поршней, а пригорание колец, а неразъёмная тяга реверса...

Но даже если бы выжил! Местного жителя на голый стук в моторе не возьмёшь. Обложит мультиэтажно – пожалуй, не зарадуешься. Мат, он ведь на любой энергетике отзывается крайне болезненно, даже на привычных к загибам моторыжках. Что уж там говорить об изнеженных продвинутих технологиями греmлинах!

Впрочем, вскоре чумазая лопоухая нечисть ощутила с удивлением, что ей кто-то помогает. Некая сила вовремя налегала на румпель, облегчая поворот, сгоняла избыточное тепло с толстостенных чугунных цилиндров. Хозяин – вне подозрений. Значит, пассажир.

Так оно и было. Ученик старого колдуна Ефрема Нехорошева Глеб Портнягин сам чувствовал, что путешествие может прерваться в любую секунду, и в меру своих пока ещё скромных возможностей всячески старался этого избежать.

– Значит, думаешь, проклинали вас? – расспрашивал он между делом владельца лодки – худющего, сизого от загара парня, вся одежда которого состояла из закатанных до колен камуфлированных штанов и лыжной шапочки.

– Ну! – отозвался тот, блеснув зубом из жёлтого металла. – В позапрошлом году Пашок дядь Славу спалил – ну а тот, видать, обиделся... Взял и проклял.

– Как?

– Как ещё проклинаят? Обыкновенно. Вернулся весной с города, гля-а: от дома голо-вешки одни...

– Он что, ваш дядя Слава, в городе зимует?

– Городской... Укроп Помидорыч... Дядь Сёмин дом у наследников за полсотни баксов купил – под дачу. Ну вот... Перезимовал, приехал, гля-а: а там зола одна... Мы тоже собрались: вся деревня, все пятеро. Баб Маня, баб Варя, дед Никодим, мы с Пашком. Смотрим, как горевать будет...

– И Пашок с вами?

– Йех! А как же! Зря поджигал, что ли?

– Поджигал-то зачем?

Юное испитое лицо приняло несколько озадаченное выражение.

– Ну... – промолвил в затруднении кормчий. – Зима же... тоска, тоси-боси...

Внезапно дюральку занесло и неумолимо повлекло кормой на рукотворный риф, придурковато скалящийся обломками силикатного кирпича. Лишь совместными усилиями рулевого, пассажира и моторыжки удара удалось избежать. Странно. Течения практически нет, нечисть в ериках обычно тихая, незадиристая. Хотя всяко бывает. Выплеснул кто-нибудь из местных в протоку пару вёдер барды – вот и закуролесил водяной дедушка, лодки ворочать принялся...

– Как же он вас проклинал? – вернулся к начатому разговору Глеб.

– Как-как! Запросто... Как! Зачерпнул золы и сдул с ладошки на все четыре стороны...

– Говорил при этом что-нибудь?

– Не-е... Повернулся да пошёл. Больше мы его здесь не видели. Может, где в другой деревне дом купил...

– А какой он из себя?

– Лысый, бородатый... На Льва Толстого похож.

Портнягин задумался. В какой-то степени все пожилые колдуны похожи на классиков с бородами. Не на Льва Толстого – так на Некрасова... Колдун дядя Слава. Живёт в городе. Кто бы это мог быть?

– Так. Проклял. И что?

– Ну и началось... Месяца не прошло – Пашок на мотоцикле в столб вмазался, ногу разmozжил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.